

ВЛАДИМИР
ФІРСОВ

★

ГЛАЗАМИ
СТОЛЕТІЙ

ВЛАДИМИР
ФІРСОВ

ГЛАЗАМИ
СТОЛЕТІЙ

H. P. Pugh —

ВЛАДИМИР
ФИРСОВ

ГЛАЗАМИ
СТОЛЕТИЙ

СТИХИ
И ПОЭМЫ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1982

Р2
Ф62

Фирсов В. И.

Ф62 Глазами столетий: Стихи и поэмы. — М.: Воен-
издат, 1982. — 255 с.

1 р. 70 к.

Книга лауреата Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького и премии Ленинского комсомола поэта Владимира Фирсова «Глазами столетий» отмечена в 1981 году премией Министерства обороны СССР. Она содержит произведения, отражающие высокие гражданские чувства, патриотизм, живой интерес к судьбе Родины.

Ф 70402-106 КБ-50-15.81. 4702010200.
068(02)-82 БЗВ № 15—1981 г.—№ 1

ББК 84Р7

Р2

© Воениздат, 1978
© Воениздат, 1982, с дополнением

СТИХИ

РОДИНЕ

Ты не вставала на колени
Ни перед кем
И никогда...

И каждый кустик твой —
Священен.
Священны
Небо и вода.

Священен
Ты, где сохнут крынки,
Ракет космических огонь
И даже малая дождинка,
Что падает
В мою ладонь.

Священен
Мир широких пашен,
Священны льды родимых рек,
И снег,
Что полит кровью нашей,
И кровь,
Что пролита на снег.

СИМФОНИЯ

Ночной порой, когда все ровно дышит
И спят ветра, листву не шевеля,
Не то что слухом —
Всей душою слышу
Симфонию Московского Кремля.

Она плывет
Легендой из тумана
Прошедших дней над вечностью Москвы —
От малых рек до грозных океанов,
От родников до звездной синевы.

И по всевластным памяти законам
Она звучит без ложной суеты
От празднично-малинового звона
До грозного набата в дни беды.

Здесь все звучит:
И звезд горящих блики,
И купола, что просятся в полет.
Молчи и слушай,
Как Иван Великий
Свой богатырский голос подает.

Звучат в холодном камне, не стихая,
Колокола и давний звон подков.
И, от людского шага отдыхая,
В брусчатке не стихает гул веков.

На Спасской башне неумолчно время.
Оно звучит во имя новых дней,
Светло звучит,
Согласное со всеми,
Кто благодарен Родине моей.

Где б ни был я,
Куда б в ночи ни вышел —
На площадь ли, в луга или в поля,
Не только зреньем —
Каждой клеткой вижу
Крутые стены древнего Кремля.

Он гордо замер на холме покатою,
Прижав к груди доверчивой своей
Могилу Неизвестного солдата
И колыбель бессмертья — Мавзолей.

* * *

У жизни
Есть свои законы,
Свои особые слова.
Мне с детских лет
Они знакомы,
Как солнце, небо и трава.
Как тот дымок,
Что пахнет хлебом,
Как та осока, что остра,
Как на пригорке теплым летом
Дым пионерского костра.

Законы жизни
Жизнь дарила,
Когда слова учителей
Народным слогом говорили
О славе Родины моей.

Учитель говорил, при этом
Пустым махая рукавом,
О славной смерти Пересвета
На поединке роковом.
Он говорил о Дне Победы,
О тех, кто мир нам подарил,
Хотя о том,
Что сам изведal,
Он никогда не говорил...

Любовь к Отчизне не измеришь
И даже смертью не прервешь,
Живя всем тем,
Во что ты веришь,
И веря в то,
Чем ты живешь!

* * *

Не по чьему-либо велению,
А с твердой верою
В бою
Россия выстрадала Ленина,
Как революцию свою.

И мне сейчас припомнить хочется,
Как, набирая высоту,
Она несла его пророчества
Сквозь выстрелы
И клевету.
Как шла она, невзгоды выстояв,
Шаги в бессмертье торопя,
Приняв всю боль тех самых выстрелов,
Как мать родная, на себя.

Она его делами мерила
Свои нелегкие дела.
И в смерть его она не верила,
Поскольку
Лениным
Жила.

Она была в труде, в сражениях,
В крутой борьбе с неправотой
Его священным продолжением,
Его основой и мечтой.
И будущие поколения
Еще поклонятся не раз
России,
Давшей миру Ленина
Живым, без грима, без прикрас,
Таким, как есть:
С кремневой твердостью,
С могучей силой волгаря,
Его национальной гордостью
Была Октябрьская заря.

Он выстрадан тобой, Отечество,
Он твой, до капли крови твой,
Принадлежащий человечеству,
Твоим
Величием
Живой!
И помнит мир его дыхание,
И видит мир его дела,
И ты, Россия,
В испытаниях
Его бессмертье обрела.

* * *

Нелегкое дело —
На зорьке вставать
И жить-поживать,
Долги наживать.
Но надо вставать,
Травы косить,
Лемех ковать,
Уголь грузить...

Нелегкое дело —
Вину признавать
И жить-поживать,
Друзей наживать.
Но надо признать,
К другу пойти,
Чтобы сказать:
«Слушай, прости!..»

Нелегкое дело —
За правду вставать
И жить-поживать,
Врагов наживать.
Но надо вставать,
Как вставали на бой,
На ложь наплевать,
Что бредет за тобой.

Но нет тяжелей
И печальней оков,
Когда — ни друзей,
Ни долгов, ни врагов.

ПАМЯТЬ ЮНОСТИ

Брату моему Геннадию

По-прежнему
Зоры алеют
И старые песни годятся.

Отцы незаметно стареют
И прожитой жизнью
Гордятся.

И зная судьбы поколений
По-прежнему
Свято пронесит
Бессмертный страды знаменосец
И смерти не знающий
Ленин!

И пасмурными почвами
По-прежнему
Снятся героям
Буденцовские тачанки
И тачки Магнитостроя.

По-прежнему
Снятся окопы,
Клинки и разрывы снарядов.
Атаки —
Под Перекопом,
Окопы —
Под Сталинградом!
Отцы незаметно стареют,
Сыны постепенно мужают.

Сегодня
Враги не звереют
И, кажется, не угрожают.

Они за дискуссии, споры.
И часто себя утешают:
С детьми, мол,
Мы справимся скоро,
Вот только отцы их мешают.

Они понимают,
Что силу
Мы страшною силою били.
Им важно, чтоб дети России
О прошлом своем позабыли.

Чтоб лихо
Сыны комиссаров,
Не помня отцовских заветов,
Под музыку вражью плясали,
Свою забывая при этом.

Им важно,
Чтоб мы забывали
О крови, что ярко алела,
О тех, что ее проливали
В борьбе за рабочее дело.

Чтоб мы забывали, к примеру,
Все то, —
Чем когда-то гордились,
Чтоб циники
И малoverы
По вражьиm рецептам плодились.

Ну что же!
Бывают такие,
Что верят врагам оголтело, —
Плевать им на славу России,
Плевать на рабочее дело.

Но встанут советские люди!
Ведь знают советские люди
И верят советские люди,
Что «пятой колонны» не будет.

И юности снится ночами
Бессмертная слава героев —
Буденновские тачанки
И тачки Магнитостроя.

Отцовские сняты окопы,
Клинки и разрывы снарядов.
Атаки —
Под Перекопом,
Окопы —
Под Сталинградом.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Родина, суровая и милая,
Помнит все жестокие бои.
Вырастают рощи над могилами,
Славят жизнь по рощам соловьи.

Что грозы железная мелодия,
Радость или горькая нужда?!
Все проходит.
Остается Родина —
То, что не изменит никогда.

С ней живут,
Любя, страдая, радуясь,
Падая и поднимаясь ввысь.
Над грозой
Торжествует радуга,
А над смертью
Торжествует жизнь!

Медленно история листается,
Летописный тяжелеет слог.
Все стареет.
Родина не старится,
Не пускает старость на порог.

Мы прошли столетия с Россиею
От сохи до звездного крыла.
А взгляни —
Все то же небо синее
И над Волгой та же тень орла.

Те же травы к солнцу поднимаются,
Так же розов неотцветший сад,
Так же любят, и с любовью маются,
И страдают, как века назад.

И еще немало будет пройдено,
Коль зовут в грядущее пути.
Но светлей и чище чувства Родины
Людям никогда не обрести.

Медленно
История листается...
Все пройдет,
А Родина останется.

УТРО МОСКВЫ

Над Кремлем предрассветно алеет.
Но большая заря вдалеке.
Мимо близкого всем Мавзолея
Мы спускаемся к вечной реке.

Фонари.
Проплывающий катер.
Редкий шорох машин.
Тишина...
На безлюдном и тихом Арбате
Нестареющая старина.

Мы и прошлую славой гордимся
И ссегодняшний ценим покой. -
Помолчим на мосту Бородинском
Все над тою же вечной рекой.

Современным широким проспектом,
Где Кутузов застыл на коне,
Поспешим на свидание к предкам,
Победившим в священной войне.

Как мы счастливы снова с тобою,
Что над нами
Чисты небеса,
Что заря понесла над Москвою
В день грядущий
Свои паруса!

Как все в мире устроено мудро!
С гор далеких,
Из глуби морей
Виден всем в это ясное утро
Алый парус Отчизны моей.

* * *

Борису Куликову

Величие серпа и молота
Твоим рукам принадлежит,
Пока распахнуто и молодо
Земля весенняя лежит,

Покамест дуют ветры вешние,
И вечна молодость берез,
И молчаливыми скворешнями
Поселок достает до звезд.

И ты глядишь светло и весело
Туда,
За ширь лесов, полей,
Где плыват сталь твои ровесники
Для межпланетных кораблей.

Не торопись,
Тропинкой талою,
Пропахший тракторным дымком,
Идешь туда,
Где зорька алая
Мигнет рассветным родником.

Забьет в подойники веселые
Тугое молоко коров.
И поплывет рассвет над селами,
Над сонью пашен и дворов.

И задрожит над первоцветами
Пчелы певучая струна...
Тебя всегда
Перед рассветами
Зовет в просторы тишина.

Ты помнишь,
Сколько жизней отдано
За эту тишину земли:
От волжских берегов
До Одера
Могилы братские легли.

Ни летним днем, ни снежной заметью
Их сон глубокий не спугнуть...
И ты безгрешно-чист пред памятью
Отцов,
Чей продолжаешь путь.

Пусть сердце бьется под рубахою
И рвется птахою к земле.

Она лежит,
Тобой распахана,
В еще зеленоватой мгле.
Но вот мгновенье —
И, рассветная,
Она доверчиво вздохнет,
И глянет на тебя приветливо,
И вечным ветром обовьет.

Ты улыбнешься,
Глянешь молодо
Туда, где первый луч дрожит.
Величие серпа и молота
Твоим рукам
Принадлежит!

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. А. Коваленкова

Я помню сожженные села
И после победного дня
Пустую,
Холодную школу,
Где четверо кроме меня.
Где нам однорукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна — следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,

Что заново с нами
Учился
Умению ровно писать.
Ему мы во всем подражали —
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

В том самом году сорок пятом
Он как-то однажды сказал:
— Любите Отчизну, ребята, —
И вдаль, за окно, указал.

Дымок от землянок лучился
Жесточкой печалью земли.
— Все это, ребята, Отчизна,
Ее мы в бою сберегли.

И слово заветное это
Я множество раз выводил
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу —
Лежал в нем
Мой первый учитель
В некрашеном, светлом пробу.

Ушел, говорили, до срока,
Все беды теперь позади.
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землей закидали,

И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
— Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель!
Не вправе
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе —
Ты с нами идешь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нес ты на светлом челе!

* * *

*Ветеранам
Великой Отечественной войны*

Чтоб чувствовать своим
Чужое горе,
Чтоб радоваться
Радости чужой,
Мы родились на вековом просторе,
Пришли к земле
С открытою душой.

Века сгорали,
Звезды умирали.
Лишь радуга
Под грозами жила,
Поставленная кренкими ветрами
На два земных раскинутых крыла.

А радуга —
Чтоб радоваться свету.
И вряд ли кто с рожденья
Понимал,

Что мир, поименованный планетой,
Беспомощен
И безнадежно мал.

Лишь после
Каждый для себя откроет
Ту истину
И, подлинно скорбя,
Вдруг ужаснется,
Видя море крови
И горы горя
Позади себя.

Что говорить!
Нелегкое наследство
Даровано
Пришедшим в этот век.
На горы горя трудно опереться,
Так пусть опорой станет —
Человек.

Тот Человек, что — далеко ли,
Близко ль —
Во имя вечно памятной весны
Высокие поставил обелиски
Солдатам,
Не вернувшимся с войны.

В его душе не умерла отвага,
Он о любви к Отчизне
Не кричит —
Вознесший знамя славы
Над рейхстагом,
Всегда о славе собственной
Молчит.

Ему порою
Нелегко живется:
И ноют раны,
И над ним, вдали,
Под светом холодеющего солнца
Печаль полей
Пронесут журавли.

Зимой тоскует
О весенней пашне.
Припоминает
Сверстников своих,
Уверенный,
Что памятники павшим
Не заслонят
Оставшихся в живых.

Еще о многом
Может он поведать
В своем доме,
Затерянном в снегах,
Покамест жив,
Пока огни Победы
Дрожат
В его нестынувших зрачках.

Над ним
Еще шумят его знамена,
Что не в одном
Прострелены бою...
И я пред ним
Коленопреклоненно
Под радугой крылатою
Стою.

61538

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Говорят, что Солнце остывает.
Что там Солнце! Ты его не тронь.
Человек живет,
Переживая
За другой, нестынувший, огонь.

Добытый в боях ценою жизнью,
Он шагнул в сегодняшние дни,
Разбросав по городам Отчизны
Малые,
Но Вечные огни.

Нет, его забвенью не задуло —
Он горит под шорохи листвы

За штыками легендарной Тулы,
У кремля Смоленска и Москвы.

Он напоминает нам пожары,
Что когда-то видела страна,
Согревает Стены коммунаров,
Освещает павших имена.

От его огня светлее ночи.
Так он светит в сумраках густых,
Что у молодых яснее очи
И суровой лица у седых.

Мне понятней прожитые годы,
Что огнем высоким проросли,
Если виден он сквозь непогоду
Даже из космической дали.

И Земля
Летит без передышки.
И молчу я, голову склоня.
Что там Солнца огненные вспышки
Перед вспышкой Вечного огня!

Пепел Белоруссии не стынет,
Обелиски, как штыки, остры.
Вечные огни на Украине
Светят, как чумацкие костры.

Значит, жив огонь народной силы,
Он коснулся пламенем меня.
Потеплело в городах России
От того священного огня.

Жить нам вечно,
Тем огнем владея,
Что сердца солдатские зажгли.
Даже если Солнце охладет,
Проживем
За счет тепла Земли!

СЛАВА

*Памяти дважды Героя Советского Союза
летчика Б. Сафонова*

Пулеметный треск умолк...
И вскоре
Тишина заботливо пришла.
Принимает Баренцево море
Силы потерявшего орла.
Мертвая, израненная птица
Грузно погружается на дно...
Ей теперь домой не возвратиться,
Славе возвратиться суждено.
Будет слава
Продолженьем мести
За народ, поруганный врагом,
Будет слава
Продолженьем песни
О великом и о дорогом.
Вместе с ней
Мы города построим,
К самым дальним звездам полетим
И одной из этих звезд дадим
Имя легендарного героя.
Пусть мигают звезды ярким светом!
Их огонь не смогут погасить.
Будут звезды
Вечно над планетой
Имена героев проносить!

ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Памяти Александра Матросова

Он понимал,
Что не пройдет пехота,
И, расстегнув неспешно воротник,
Застыл на миг над жаркой пастью дота —
И вечность прожил
В этот самый миг.
Он, беспризорник,
Чувствовал, как руки
Тех матерей,

Которым нет числа,
Несли ему в тот страшный миг разлуки
Величье материнского тепла.
Его в тот миг
Ласкали и растили,
Любовно глядя в юное лицо.
И был он сыном всех отцов России —
Всех бывших или будущих отцов.

Тянулся миг над жаркой пастью дота...
Но он не замечал его оскал:
Он жил в тот миг,
Он приходил с работы
И голубей на волю выпускал.
Он жил в тот миг
И называл любимой
Ту самую, которую любил.
И не было порохового дыма,

А только луг цветущий рядом был.
И только — тишина,
Что смотрит сонно,
Устало покоряясь ветерку.
Он жил в тот миг
И улыбался солнцу,
Припавшему к лесному роднику...

О Родина!
Он за тебя в ответе,
Как ты в ответе за него была.
Так дай ему в последний миг на свете
Все то,
Что не успела, не смогла:
Леса свои, поля свои и реки,
Прошедшее, грядущее свое...

Вот-вот и он сомкнет глаза навеки
За Родину!
За правоту ее...

Но миг не прожит,
Торопить не смейте!
Пусть выпьет он вина в кругу друзей.

Не торопите шаг его в бессмертье,
Когда есть миг,
Что стоит жизни всей.

* * *

Мир не был создан
Из противоречий,
Поскольку он
В конечном счете прост.

Влюбленного взволнованные речи
И уходящий в горизонт погост,
Рождение,
Смерть —
Как все это обычно!
Молчание
И крик в ночи глухой,
Большой пожар
И крохотная спичка,
Солдат в бою
И пахарь за сохой.

Все в этой жизни просто
Объяснимо.
И надобно ее не усложнять,
Ведь поздно будет время нагонять,
Когда поймешь,
Что жизнь проходит мимо.

Я не терплю, когда вокруг лукавят,
Боятся сущность показать свою.
И брошенный в кого-то подло
Камень
Всегда на душу падает мою.
И я бываю в этой жизни слабым...

Но и тогда
Я верю все равно,
Что подлость наказуема должна быть
И высоко добро вознесено.

Но мир не прост,
Хотя не очень сложен.
Но мир велик,
Хотя и очень мал.
Я с каждым годом подхожу все строже
К тому, чем раньше сердце занимал.

Пусть я в бою за Родину не дрался,
Случись беда — и я не отвернусь.
И если раньше я в любви ей клялся,
То ныне
В вечной верности клянусь.

Не отвернусь! Ты слышишь ли, родная?
В беде и в счастье навсегда с тобой.
Не веря в сложность, жизнь не усложняя,
Мне жить твоею сложною судьбой.

Я подавлю в себе любую слабость,
Поскольку верить мне тобой дано,
Что подлость наказуема должна быть
И высоко добро вознесено!

ПИДЖАК

Жизнь состояла из отрезков.
И был в одном из них
Пиджак,
Что в дни войны в родном Смоленске
Мне отдала вдова за так.

На переполненном вокзале
Она сидела у огня
И неизбывными глазами
Глядела с грустью на меня.

Пилотки и платки рябили.
Вокруг — узлы и костыли.
В старинной песне о рябине
Вдруг всколыхнулась боль земли.

Ее под сводами вокзала
Носило эхо черных дней...

Я пел
Для женщины
С глазами
Осиротевших матерей.

Когда же я закончил песню,
Она вздохнула горячо
И тихо так — со всеми вместе —
Сказала: «Спой, сынок, еще...»
Я пел.
Я знал, что души тронет.

И верил сам в минуты те,
Что вот умру — и похоронят,
Да только неизвестно где.

Я пел и видел,
Как в печали
Слез не скрывали старики.
И лишь глаза вдовы молчали,
Как замершие родники.

А после
Я сидел у печки.
И рядышком была она.
И все шептала мне:
— Сердечный!
Ишь как умаяла война!

И сквозь меня, сквозь даль глядела,
Достав залатанный пиджак.
— Смотри, сынок,
Продать хотела,
Да, знать, судьба отдать за так...

Я, не нуждаясь в уговорах,
Надел его без суеты.
— Ну так и знала, будет впору,
Ведь мой такой же был, как ты...

И пусть сегодня дни иные,
Пусть годы горя вдалеке,
Себя я чувствую
И ныне
В том самом, вдовьем пиджаке.

И я пою,
Как на вокзале,
Как в дни беды страны моей,
Для этой женщины
С глазами
Осиротевших матерей.

Она во мне признала сына...

И в наши дни —
Пред ней в долгу —
Я без нее
Судьбу России
Уже представить не могу.

НА ПАМЯТИ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

(Из ненаписанной поэмы)

Пар идет от стонущих деревьев.
Облака
Обожжены вдали.
Огненным снопом
Моя деревня
Медленно уходит от земли.

От земли,
Где в неземном тумане
На кроваво-пепельных снегах,
Словно в бронзе,
Замерли славяне...

Дети,
Дети плачут на руках.

Жарко.
Жарко.
Нестерпимо жарко,
Как в бреду
Или в кошмарном сне.
Жарко!

Шерсть дымится на овчарках.
Жадно псы хватают пастью снег.
Плачут дети.
Женщины рыдают.
Лишь молчат угрюмо старики
И на снег неслышно оседают,
Крупные раскинув кулаки.

Сквозь огонь нечеловечьей злобы
Чуждой песни слышится мотив.
Оседают спешные сугробы,
Человечью тяжесть ощутив.
Вот и все...
И мир загробный тесен.
Там уже не плачут,
Не кричат.

Пули,
Как напев забытых песен,
До сих пор в моих ушах звучат.
До сих пор черны мои деревья.
И хотя прошло немало лет,
Нет моих ровесников в деревне.
Нет ровесниц.
И деревни нет...

Я стою один над снежным полем,
Уцелевший чудом в том огне.
Горестью непроходящей болен —
Памятью о проклятой войне.

Время, время!
Как летишь ты быстро!
Словно ливень с вечной высоты.
В Мюнхене иль в Гамбурге
Нацисты
Носят, как при Гитлере, кресты.
Говорят о будущих сраженьях
И давно
Не прячут от людей
На крестах пожаров отраженье,
Кровь невинных женщин и детей.

Для убийц
Все так же солнце светит,

Так же речка
В тростниках шуршит.
У детей уби́иц
Родятся дети,
Ну а детям мир принадлежит.

Мир — с его тропинками лесными,
С тишиной и песней соловья,
С облаками белыми, сквозными,
С синью незабудок у ручья.
Им принадлежат огни заката
С ветерком,
Что мирно прошуршал...

Так моим ровесникам
Когда-то
Этот самый мир принадлежал.

Им принадлежали океаны
Луговых и перелесных трав...

Спят они в могилах безымянных,
Мир цветов и радуг не познав.

Сколько их,
Убитых по программе
Ненависти к Родине моей, —
Девочек,
Не ставших матерями,
Не родивших миру сыновей!

Пепелища поросли лесами.
Под Смоленском,
Псковом
И Орлом
Мальчики,
Не ставшие отцами,
Четверть века
Спят могильным сном.

Их могилы редко кто укажет.
Потому-то сердцу тяжело.
Никакая перепись не скажет,
Сколько русских
Нынче быть могло.

Лишь глаза закрою...
В зимнем поле —
Под Смоленском,
Псковом
И Орлом —
Факелы отчаянья и боли
Полыхают неземным теплом.

Таает снег в печальном редколесье.
И хотя леса мои молчат,
Пули,
Как напев забытых песен,
До сих пор в моих ушах звучат.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Я, как и многие,
Сполна
Познал земные беды...

Войны последняя весна
Была
Весной Победы.

Землянок чахлые дымы
Дымят
С землею вровень.
Ушло дыхание зимы
Со льдом промерзших бревен.

Всходили яркие цветы
Над тишиной могильной.
Огни куриной слепоты
Желтели,
Словно гильзы.

На горестных полях войны,
Что вновь весной дышали,
Снаряды,
Словно кабаны,
Огромные
Лежали.

Жизнь проходила по весне
С цветением знакомым,
Напоминая о войне
Внезапным
Минным громом.

Мне позабыть невмоготу
Разрушенную кровлю,
Кусты черемухи в цвету,
Забрызганные кровью.

И тишина.
И ничего.
И жуткий женский голос...

Не стало друга моего,
Осилившего голод.
Мы с ним
Делили хлеб
Да соль,
Что редко выпадала.

И не остынет в сердце боль,
Коль вечной болью стала.

Он ждал отца,
Но не дожил.
Отец
Пришел не скоро,
Поскольку все еще служил
В Германии
Сапером.

ОДИН ДЕНЬ

Мы помнить многое должны.
И в памяти моей
Остался черный день войны —
Один из многих дней.

Бомбежки огненный прибой
Затих.

И сквозь огонь
Я помню, как шагал
Слепой,
Прижав к виску ладонь.

Выл репродуктор на углу,
Оповещал: «Отбой!»
А он
По битому стеклу
Шел босиком —
Слепой!

Как вспомню, высказать нельзя
И промолчать нельзя.
Безумно синие глаза,
Во все лицо глаза!

Глаза. Глаза.
Одни глаза.
Одни — на целый свет.
В них боль жила.
Жила гроза
В глазах,
Где света нет.
Что стало с ним, не знаю я...

Иные годы, дни...
А что как и судьба моя
Его судьбе сродни?

А что как выпадут года,
Похожие на те,
Когда
По всей земле беда
И солнце в темноте?

А что как мне
Сквозь пыль веков,
Сквозь вечной ночи мглу
Идти придется босиком
По битому стеклу?

КОНЦЕРТ

Враги сожгли родную хату...

М. Исаковский

Вышел парень, невзрачный с виду,
И сказал, подождав тишины:
— Выступает хор инвалидов
Отечественной войны...
Перед тем как они запели,
Над дорогами всей земли
Прогремели
И проскрипели
Самодельные костыли.

Песня, песня,
Сколько тоски,
Сколько горя в ней и тревоги!
И несут эту песню в дороге
Балалаечник без руки
И танцор, потерявший ноги...

Песня, песня!
Сквозь клубы пыли
Над простором родной земли
Увидали рассвет слепые
И глухие слух обрели.
И под солнцем
В потоках света
Стали черные реки видны...

Стой! Замри!
Не вращайся, планета!
Выступает
Память
Войны.

МОИ ПОЭТЫ

Сколько солнца и света,
Сколько чистой любви
У российских поэтов
Клокотало в крови!

Был любой неподсуден.
Что им времени суд!
И поныне
Их судьбы
Правду века несут.

Как дожди золотые
И колосья в пыли,
Так поэты России
По России прошли.

Кто купался в рассветах,
Кто страдал от оков.
Всяко жили поэты —
Боль и радость веков.

Не спешили набраться
За морями ума,
Славя вечное братство,
Грозной правды грома.

Все земные невзгоды,
Все нелегкие дни
Неизменно
С народом
Разделяли они.

За напев величавый,
За размашистый стих
Кто при жизни
И славу
И оналу постиг.

Что, казалось бы, проще:
Есть богатство, покой.
Но Сенатская площадь —
Как набат над рекой.

Тень певцов — в казематах
И в глухих рудниках.
Кровь — на стывших закатах,
На холодных снегах.

Их земную дорогу
Охраняют века
Черной речки тревога
И печаль Машука.

Умидали рассветы.
Были ночи глухи.
Уходили поэты,
Оставляя стихи.

Строки, вечно живые,
Были с нами,
Когда
Над полями России
Нависала беда.

И тогда
Полновесней
Становились они,
Как булыжники Пресни
В незабвенные дни.

Стали песни сражаться.
Шли родной стороной
По дорогам гражданской
И Отечественной.

И в размахе работы
Настоящего дня
В бой идут патриоты —
Тем поэтам родня.

Не в погоне за славой,
Как и в давние дни,
Воспевают державу
Бескорыстно они.

Верят верою сильной,
Что с годами далась,
И во славу России,
И в Советскую власть!

* * *

Я не из тьмы явился.
Нет!
Я вечен, как течение Волги.
Я шел к земле,
Как звездный свет, —
Стремительно и долго-долго.

Я был всегда,
И в те года,
Когда достиг земной основы,
Я часто уходил туда,
Откуда возвращался снова.

Я никогда не умирал.
Жил, настоящее приемля.
И долго землю выбирал,
Пока не выбрал
Эту землю.

Я за нее в огне горел,
Чтоб выйти к мирному рассвету,
Я с ней прошел
От первых стрел
До первой — в космосе — ракеты.
Она — моя, пока живу,
И вся со мной, пока я с нею.
И глаз отцовских синеву,
Пока живу,
Забуть не смею.

Пока живу,
Мне не забыть,
Кому я, собственно, обязан
Тем,
Что могу дышать, любить
На той земле,
С которой связан
И глаз отцовских синевою,
И прямою отцовской правды,
И кровью битвы
За Непрядвой,
И кровью битвы
Под Москвой.

И суждено мне до конца
Все вынести с тобой, Россия.
Во имя
Памяти отца,
Что прожил жизнь
Во имя сына.

ЦВЕТ ЗЕМЛИ

Земля в масштабе мирозданья.
Я не о ней хочу сказать.
Я все о той,
С кем на свиданье
Явился тридцать лет назад.

Явился к роднику,
Откуда
Носили воду сотни лет
Поклонники земного чуда,
Веками сеявшие хлеб.

Явился я звонкоголосо
Туда,
Где, как и в старину,
Стозвучно
Косы на прокосах
Озвучивали тишину.

По клеверам шмели сновали,
Гудели липы у реки,
И голуби
Зерно клевали
Доверчиво с моей руки.

Дорога.
Тропка полевая.
Поющий перепел во ржи...
Явился я,
Не понимая,
Что это мне принадлежит.

И после,
В грохоте орудий,

Который слышал не в кино,
Я думал,
У меня не будет
Всего того,
Что мне дано:

Ни клевера,
Ни речки синей,
Ни трепета перепелов.
Была со мною боль России —
Без ярких красок, ярких слов.
Все было серое:
Шинели
И грозовые облака,
И серые ветра шумели
Над серым отблеском штыка,

Холстами серыми
Проселок
За серым лесом пропадал,
И серый дым
Кружил по селам,
И серый пепел оседал.

Тянуло солнце дымным шаром,
Не слыша птичьих голосов,
В огне рябиновых пожаров,
Во мглистом сумраке лесов.

И вот теперь,
Когда мне снова
Дано все то, что надлежит,
Я не могу уйти от слова,
Что рядом с памятью лежит.

Я не могу уйти от сердца.
И даже в радости
Нет-нет
Да промелькнет тот самый
Серый
И монотонно-горький цвет.

И прозвучит рассветной ранью
Навеки близкая земля,
Что не в масштабе мирозданья,
А в грустной песенке шмеля.

* * *

Горнисты побудку играют,
Граница пылает в огне...
Солдаты переднего края,
Как совесть,
Приходят ко мне.
Солдаты не ведают страха
Под натиском вражьих атак,
И русский
В обнимку с казахом
Ложатся под вражеский танк.

Родные хлеба догорают,
Сгорают и очи слепят.
Солдаты переднего края
Под красными звездами спят.

Их дети стоят на границе
И свет этих звезд берегут,
И мирно пылают зарницы,
И реки
Спокойно текут.

Горнисты побудку играют,
Как прежде, в назначенный час.
Солдаты переднего края,
Мы стали
Достойными вас.
Мы помним великие беды.
Прислушайтесь к нашим словам:
— Мы каждую новой победой
Сегодня
Обязаны вам.

И в звездные дали взлетая,
Салют отдают корабли
Солдатам переднего края,
Погибшим во славу земли!

8 СЕНТЯБРЯ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

А. Софронову

Последнего татарника огонь
В тот миг погас на поле Куликовом,
Когда от боли озверевший конь
Его прибил железною подковой.

Закат угрюмо трогал высоту.
Стихала битва.
Пахло тенью росной.

Был страшен конь:
Мундштук горел во рту,
Ломая зубы,
Обжигая десны.

Был страшен конь, окрашенный зарей, —
В его крестце с утра стрела торчала,
И он весь день метался одичало
Над трупами, над влажною землей.

Века...
Века с того минули дня.
Минули Освенцим и Хиросима.

А я все слышу
Крик невыносимый,
А я все вижу
Этого коня.

Все вижу я,
Как с кровью пополам —
Не рьяно, а устало, постепенно —
Еще зарей окрашенная непа
В два ручейка течет по удилам.

Погасни же, кровавая заря!
Яви прохладу, тишину на раны...

Из векового древнего тумана
Глядит на мир восьмое сентября.

Я все понять бы в том тумане мог,
Я все коню безгласному прощаю,
Но как он боль, скажите, превозмог,
Когда ушел,
Погасший,
Из-под ног
Татарника неяркий огонек,
Гореть и жить уже не обещая?!

Кто был хозяин этого коня —
Не мне судить.
Да и неважно это.
Коня, не увидавшего рассвета,
Мне жаль с высот сегодняшнего дня.

Он умирал,
Не ведая о том,
Что я спустя века
О нем припомню,
Что я приду на Куликово поле,
Сорву татарник бережно, с трудом.
С трудом...

И он горит в моих руках
Среди стешной и обнаженной сини,
Напоминая жизнь мою в веках,
И смерть мою,
И воскрешенье пыле.

Легли колюче на мою ладонь
Четырнадцатый век с двадцатым веком.

А там,
Над Доном,
Бродит мирный конь
И слепо доверяет человеку.

* * *

Америка или Европа,
Любой континент на Земле
Зрачками своих телескопов
Блуждает в космической мгле.

И в строчки сливаются точки
Далеких и юных планет.
По спектры как первоисточник
На тайну не пролили свет.

Ученые вновь недовольны,
Не могут они уяснить,
Что ультракороткие волны —
Центрочная с космосом пить.

Ученый, искуснейший практик,
Мудрит в кабинетной тиши
Не только над тайной галактик —
Над тайпой славянской души.

Нелегкая это задача —
Узнать, что планеты таят.
И с нашей душой не иначе,
Не лучше дела обстоят.

Ряды социологов века
Сегодня грустят оттого,
Что им не понять
Человека,
Великую сущность его.

Ученые верят:
Случайность
Открытие сделать вольна.
Чем ближе им кажется тайна,
Тем дальше и дальше она.

Теряясь в неленых догадках
И выводов новых боясь,
Европа с улыбочкой сладкой
Выходит с Россией на связь.

Не стоит заигрывать с нами!
Мы тайну души сберегли.
Не вычислить нас по программе
Сверхумным машинам Земли.

Мы будем гордиться веками
И Разиным,

И Ермаком,
И русскими большевиками,
И яростным словом «ревком».

Нам на душу нашу ложится
Печаль обнаженных полей
И жалоба раненой птицы,
Отставшей
От стаи своей.

Нам на душу падает слово
Умеющих верить в людей.
Мы душу храним
Как основу
Для самых высоких идей.

И с верой своею нетленной
Мы можем сказать:
— Господа!
Откроются тайны Вселенной,
Но тайна души —
Никогда.

ХЛЕБНЫЙ КОЛОС

П. Е. Макаренкову

Мне жить и жить,
Пока стоят хлеба,
И петь о них,
Пока имею голос.
Как хлебороба вечная судьба,
В гербе моей страны — высокий колос.

Он тот,
Что знал тепло моей руки
И породнился
Навсегда со мною.
Голодные, мы шли по колоски,
Мальчишки, опаленные войною.

О, сколько было пройдено стерней
И сколько было отдано поклонов!

Борьба за хлеб
Была второй войной,
Где каждый колос
Равен был патрону.

И были жертвы.
Можно ли забыть,
Как мы когда-то проходили мимо
Одной межи, где затаилась мина, —
Ей было Кольку суждено убить.

И вот лежал он, маленький такой,
Еще и не вступивший в пионеры,
И что-то все искал, искал рукой
В пыли дорожной на закате сером.

Беззвучными губами шевеля,
Он все шептал о колосках... о маме...
И плакала над ним
Сама земля
Безудержными нашими слезами.

Учитель на руках его отнес
В избу, где без того хватало горя,
И предложил нам
Записать за Колей
Все колоски,
Что сдали мы в колхоз.

О память, память!
Искрою во мгле
Вдруг высверкнет и снова замирает.
Живут не только хлебом на земле,
В борьбе за хлеб, однако,
Умирают.

Не знаю,
Какова моя судьба.
Но, с детства зная, что такое колос,
Я буду жить, пока стоят хлеба,
И петь о них, пока имею голос!

* * *

Туман в низинах.
Рожь.
Луна над полю.
И — светлая земная тишина...
Ну что на свете может быть роднее
Тебя, моя родная сторона?

Смоленщина!
Тепло твоих колодцев
Зимой напоминает о весне,
Не потому ль спокойно сердце бьется,
Что я — в тебе,
Что ты — всегда во мне?

Во мне —
Твоих ручьев сердцебиенье,
Твоих частушек частый перебор
И льна голубоглазое цветенье,
Плывущее ко мне
Со всех сторон.

И что бы я ни делал,
Все во имя
Твоих людей,
Кому обязан я
Стихами откровенными своими,
Пришедшими в родимые края.
Изба на взгорье,
Баня возле речки,
Палатки пионерских лагерей,
В ведре букет сирени на крылечке
И тень от пролетевших сизарей —
Все это здесь, на родине осталось...

И в час печали,
Вспомнив край родной,
Душа моя не чувствует усталость,
И тень беды проходит стороной.
И мир опять становится яснее,
И смотрят из раскрытого окна
Туман в низинах,
Рожь,

Луна над нею
И нужная до боли тишина.

ЗАБОЛОТЬЕ

О как я боюсь,
Что проститься
Придется с тобой навсегда!

Уходят деревни, как птицы,
Не за море, а в никуда.
И только печально
Закаты
Осенним бурьяном звенят.
И долго районные карты
Названья ушедших храпят...

Деревня моя Заболотье,
Забота и радость моя!
Всем сердцем, душою и плотью
Вросла ты в родные края.

Просторы вокруг оросились
И кровью и вдовьей слезой,
Которые смыла Россия
Победною майской росой.

Я столько здесь вместе с народом
Печали хлебнул и беды
В былые военные годы,
В дни послевоенной пужды!

Здесь столько сердечного света
Я в людях родных узнавал!
И флаг над моим сельсоветом
Светло ветерок развевал.

Вот мост над речушкой Соложей,
Вот омут, где спят голавли.
И не было в мире дороже
И нету прекрасней земли.

Плескались небесные сини
В озерах цветущего льна.
Была ты
Мою Россией
И ею
Остаться должна.

Пришлось тебе
Столько изведать,
Печалась, грустя и любя!..
Куда же, скажи, я приеду,
Когда вдруг не станет тебя?
Кому я стихи почитаю
У старых тесовых ворот
О тех, кто народ почитает,
О тех, кто забыл про народ?

Деревца,
Где смог я родиться,
Родные просторы окинь.
Останься крылатою птицей,
Но землю свою
Не покинь!

* * *

А. П. Филатову

Дайте мне возможность постареть,
Я еще успею умереть.

Я еще успею стать
Корнями,
Ручейком,
Что бьется под камнями,
Теплым ветром,
Голубой травой,
Сполохом под звездной синевой.

Дайте мне возможность постареть,
Чтобы ради Родины гореть
Тем костром, приметным издалёка
В полночи беззвездной и жестокой, —
Лишь бы люди
Грелись у огня,

Лишь бы молча
Верили в меня.

Дайте мне возможность постареть,
Чтобы внуков, правнуков узреть,
Убедиться,
Что над ними небо
Доброе,
Как свежий запах хлеба.
Убедиться в том,
Что жил не зря,
Коль под небом —
Мирная заря.

Я еще успею умереть,
Дайте мне возможность постареть.

Что я прожил?
Я еще и не жил,
Вдоволь
Дорогих сынов не нежил,
Край отцовский
Им не показал,
О любви к нему
Не рассказал.

Я еще успею умереть,
Только бы душой не обмслеть,
Только б знать,
Что мир широк и светел,
И всегда
На этом белом свете
Недруга
От друга отличать,
О жестокой правде
Не молчать.

Убедиться б в том, что постарел,
В том, что мир жестокий подобрел.
И тогда готов я стать
Корнями,
Ручейком,
Что бьется под камнями,

Теплым ветром,
Голубой травой,
Сполохом под звездной синевой.

* * *

Ф. Ромашеву

Звезда упала, и возник родник...

Родник
Был обнесен словым срубом.
К нему
В трясине жерди пролегли,
Чтобы по ним
Веками
Друг за другом,
Взрослея и старея, люди шли.

Кусты ольхи да чахлые осины —
Все отзывалось грустью и тоской.
Под жердями
Замшелая трясина
Пружинила
Под тяжестью людской.

В тени
Горел огнем холодным лютик,
Проглядывало солнце иногда.
Менялись жерди,
И менялись люди,
Но оставалась прежнею
Вода.

И в чистоте своей не изменялась,
Была легка —
Тяжелая на цвет.
В том роднике
Речушка начиналась,
Поглядывая молодо на свет.

Она о вечной жизни говорила
На перекатах с лунною тройой.

И в жаркий полдень весело манила
Усталые стада на водопой.

Звезда полей
Над ней была туманно
Сквозь сетку тростниковую
Видна.
Текла, текла речушка безымянно
К реке,
Чье имя знала вся страна.

Течет и ныне.
Лилии качает.
Торопится — в движении легка.
И каждой каплей влаги
Ощущает
Неторопливый трепет родника.

Торопится.
И обгоняет ветер.
Боясь, что не узнают никогда
О роднике,
Что и в болоте светел,
Как будто родила его звезда.

Потом
Она качает пароходы
В большой реке
На небольшой волне.
И благодарно
Вспоминают воды
Еловый сруб в холодной тишине.

* * *

Какое счастье —
Дом родной иметь,
Иметь колодец с глубиной земною!
Какое счастье —
Мир запечатлеть,
Пожалованный отчей стороною!

Запечатлеть
Зеленый дым ветлы
И пар
Над свежеиспеченным хлебом,
И глубину
Распахнутого хлеба
С молочным духом сена и весны.

Запечатлеть
Тепло в пустых сенах,
Ребят,
Которым лужи не помеха,
И мужика,
Что думает, как ехать —
То ль на телеге,
То ли на санях.

Весною
Тянет в отчие края,
К тому ж родился я в конце апреля,
Когда вода спадала,
Птицы пели —
Все до единой,
Кроме соловья.

Я всякий раз по-новому гляжу
На то, чем жил
И чем живу отныне.
И все же большей, чем земля,
Святыни
На белом свете я не нахожу.

Казалось бы,
Земля везде одна.
Но тянет к той,
Возникшей от порога,
Где ждут меня,
Печалются немного,
Особенно, когда грядет весна.

Какое счастье —
Родину иметь,
Где жизни нет без ласки и привета,

Где я вступил
В сороковое лето,
Сумев навек весну запечатлеть!

* * *

За дальним полем,
За оврагом дальним,
За темным лесом,
За большой рекой
Восходит солнце по росе хрустальной
И нарушает розовый покой.

Над всей страной оно светло трепещет.
Под ним бегут, как добрая молва,
Гряда Курил,
Суровый Благовещенск,
Новосибирск
И древняя Москва.

Затрепетало солнце над Смоленском,
Над Ельней
И над Рославлем взошло,
Вошло в дуга, в леса и перелески,
Лаская светом каждое село.

Покой дремотный весело нарушив,
Тепло земли незримо вороша,
Оно светло
Мне заглянуло в душу —
И озарилась радостью душа.

Она была всех душ материальней.
В нее вмещались
Все края страны —
От острова на Тихом океане
И до дунайской голубой волны.

Вмещались города,
Названья улиц,
Глаза друзей,
Чужих людей глаза.

Вмещались птицы, что с зарей проснулись,
И тишина вмещалась,
И гроза.

Вмещался мир
Огромнейший и древний.
И я от счастья чуть не зарыдал,
Когда узрел
В душе своей
Деревню,
Где я впервые солнце увидал.

* * *

Звезд поблекшие гроздья
Опадают в рассвет,
На следах от полозьев
Оставляя свой след.

В блестках санного следа
Заискрилась заря,
Как забытое лето
В тепле янтаря.

Над рекой
За кустами,
Где сугробы лежат,
Копны сена
Шестами
Зарю ворошат.

Солнце нехотя греет.
И бежит стороной,
В седине не старея,
Лес
На встречу с весной.

Ах, как тихо над полем,
Где озимые спят!
В тишине
Поневоле
Полозья скрипят.

Я всем сердцем приемлю
В заревой тишине
Материнскую землю,
Что завещана мне.

Мне знакомы до боли
С детских памятных лет
Этот луг,
Это поле,
Беглый заячий след,

Эти сосны, и ели,
И сквозные кусты,
Где уснули метели,
Унав с высоты.

Хорошо мне под небом
Светом Родины жить
И по чистому снегу
С чистой совестью плыть.

ПОЛДЕНЬ НА ПОКОСЕ

Скудный хлеб,
Вареная картошка —
Вот и вся нехитрая еда.
Да картуз незрелого горошка,
Сахаром казавшийся тогда.

Пили квас, как бы дела вершили,
Мужики.
А женщины вдали
Скопленные травы ворошили,
Пахнувшие медом издали.

На июньском голубом покосе,
Где ручей заботливо бежал,
Привыкая к первой папиресе,
Я дымком отечества дышал.

Я сидел в прохладе липы старой
С тяжестью,

Подкравшейся к рукам,
И курил, счастливый и усталый,
Подражая втайне мужикам.

Самосад пьянил.
И мне казалось:
Жизнь была прекрасною всегда
И меня ни разу не касалась
Ни беда, ни черная пужда.

Вроде бы и не было
Бессолья,
Голода с могильною тоской,
Были только счастье,
Только солнце
С добротой и ласкою людской.

Ах, как сладко
Теплым медом пахло
В сутени под липою густой!
Мир полдневный
Настежь был распахнут —
Знойный, родниковый, молодой.

Трудно мне забыть того покоса
С отдыхом под липою, в тепи,
Деда,
Что наладил папиросу
И сказал заботливо:
— Курни...

Вижу,
Как пестрит кисета ситец,
Слышу —
Дед с улыбкой говорит:
— Есть захочешь, табачок насытит,
Грустно станет, он развеселит.

Часто я тот полдень вспоминаю.
И когда одолевает грусть,
Молча
Папиросу разминаю.
Докурить ее не тороплюсь.

Сквозь ее дымок
Я вижу деда,
Вижу тех, кого на свете нет,
Чьи заботы, радости и беды
На земле
Оставили свой след.

* * *

Ты мне прощаешь.
Все прощаешь.
Но с явным холодом в крови
Меня любить не обещаешь,
Как недостойного любви.

И в том привычном всепрощенье,
Когда тебе прощать не жаль,
Есть несомненное отмщенье
За причиненную печаль,

За незаслуженные слезы,
Как за любовь, что умерла,
За эту будничную прозу,
Что над поэзией возшла...

Я начинаю жизнь сначала
И думаю
С приходом дня:
Уж лучше б вовсе не прощала,
Чем так — вины не сняв с меня.

Но веря в самоочищенье,
Как в день,
Когда любовь придет,
Уже я не прошу прощенья,
И жду,
Когда вина спадет.

ПОЛНОЛУНИЕ

Была неясною тревога,
И сердце билось тяжело.

И вдруг —
Знакомая дорога,
Река, тропинка и село.
И травы дикие по пояс,
И сладость радости в груди.

Все позади —
Вокзал и поезд,
И тень тревоги
Позади.

Потом был вечер.
Тихим-тихим
Он брел задумчиво селом,
Неся с полсеі туман гречихи
С еще не стынущим теплом.

И ночь была,
Когда — ни слова.
Все погрузилось в синеву,
И только сонная корова
Вздыхала нехотя в хлеву.

И взгляд доверчивый бросая
В прохладной ночи тишину,
Луна,
Как девочка босая,
Неслышно
Подошла к окну
И заглянула прямо в сердце
За краешек ушедших дней —
Туда,
Где затерялось детство
С любовью бережной своей.

Казалось бы, такая малость —
Луна, взглянувшая в окно.
А в памяти
Уже плескалась
Ночь, позабытая давно.

Все было ясным, как когда-то.
И рядом девочка была,
Пришедшая в огне заката
С огнем июльского тепла.

Когда луна взошла над нами,
Ее не стали мы просить
Любви проснувшееся пламя
Холодным светом погасить.

Ты улыбалась мне сквозь слезы,
Тебя я видел, как сквозь дым.
И уплывали ввысь березы,
И пахло сеном молодым...

Нам разойтись
В густом тумане
Навеки было суждено...

Не потому ль неясно манит
Порой
Забытое давно?
Твои доверчивые руки,
Твои глаза, что отцвели...

Все та же ночь.
Все те же звуки.
Все те же запахи земли.

И, взгляд доверчивый бросая,
Когда мне было не до сна,
Луна,
Как девочка босая,
Не отходила от окна.

* * *

Ну где, скажите, я еще найду
Холодную зарю,
Что согревает,
Хрустальный звон лазоревки в саду,
Который грусть неясно навевает?

Ну где найду я
Эту тишину
С неярким солнцем,

С чистыми снегами
И неба голубую глубину
С отплывшими в безмолвье облаками?

Где мне найти
Столбы седых дымов,
Восставшие над крышами в рассвете,
На стеклах
Очертанье теремов,
Которых нет и не было на свете?

Ну где найду я
Ласковее речь,
Чем здесь,
В родной с рождения деревне,
Где русская заботливая нечь
Поет с рассветом
Голосом деревьев?

Ну где найду я
Чистоту земли
И проруби дышащие в час покоя,
Лосиный след
От дома невдали
И в ивее березу над рекою?

Ну где любовь мне светлую найти,
Как не в родном краю,
Что всех милее?
Но я ее нашел вдали, в пути
И вот о том
Ни капли не жалею.

Я счастлив с ней,
Как с Родиной своей,
Да и она
Живет, давно не зная,
Что стала песней,
Тишиной полей,
Частицей моего родного края.

Уже давно
Безмолвны петухи.
Недолго и устало
Солнце светит.

Зимой порою выплутся стихи
Об осени,
Как осепью о лете,

Наверно, оттого,
Что в прошлом дне
Я сердца оставляю слишком много.
И этот день
Похож на свет в окне,
Что ночью
Проводил меня в дорогу.

Вокруг темно.
А свет горит, маля.
Ну как мне на него
Не оглянуться,
Чтоб всей душой,
Всем сердцем прикоснуться
К тому,
Что стало прошлым для меня!

И возникают в памяти слова,
Как лилии со дна реки всплывая,
Напоминают мне,
Что речь живая
Всегда
Народной памятью жива.

И возникают яркие цвета:
Снега гречих,
Огонь рябин
И вечер —
Такой холодный —
Перед жаркой встречей
У речки возле старого моста.

Слух обостренно
Памятью живет,
Знакомый голос
Тихо возникает
И, к огорчению, быстро умолкает,
А **незнакомый**
Суетно плывет.

Боль поднялась
Из потайных глубин
Моей души,
Чтоб я яснее видел
Все то, что в дне прошедшем
Ненавидел,
Все то, что с болью
Искренне любил.

О память, память!
К счастью, ты дана
Мне в дальний путь,
Чтоб смог я оглянуться
На прошлое,
На свет того окна,
Куда еще не раз
Смогу вернуться.

* * *

Ледолом...
Ледоход...
Половодье...
Златогривое солнце опять
Золотые роняет поводья
На бескрайнюю водную гладь.

Сколько лет
Я не видел разлива,
Предраассветного неба над ним!
Тосковала плакучая ива
По размашистым веслам моим.

Без меня
Были дали раскрыты
И распахнута
Жажда земли.
Без меня
Молодые ракиты
К позабытой реке подошли.

И заря
Без меня
Просыпалась,
Озаряя на взгорье стада,
И в затопленных банях
Плескалась,
Просочившись сквозь щели,
Вода.

И земля, просыпаясь,
Дышала.
И моя дорогая родня
Каждодневный свой труд совершала
Без меня,
Без меня,
Без меня.

Без меня
Журавли прилетали,
Косачи
Пробуждали леса
И с рожденья знакомые дали
Отзывались на все голоса.

И с печалью
Гляжу я сегодня,
Как приметно
Спадает вода.
Сколько ж я потерял навсегда!
Ледолом...
Ледоход...
Половодье...
И уже не вернутся года.

Шли годы, стирая трагедий следы,
Следы оставляя иные.
Но море той самой крестьянской беды,
Оно не иссякло поныне.

Поныне печально дыханье полей,
Поныне горчат урожаи,
Поныне тревожен напев матерей,
Что пахарей в муках рожают.

Какая судьба уготована им —
Судьба создателей
Или
Лежать им под небом, к страданью глухим,
В глобальных масштабов могиле?

О разум, рожденный для жизни Земли!
Не дай нам ненужного права
Поверить,
Что в прошлое войны ушли
Путем бесконечно кровавым.

Пусть матери верят и верят отцы
В покой утвержденного мира,
И ранней весной занимают скворцы
В пришкольных усадьбах квартиры.

Все так же влюбленные верят в любовь.
И пусть постаревшим
Солдатам
Последний на памяти
Помнится бой —
В том самом году сорок пятом.

* * *

Пусть недолги закаты над Волгою,
Но прекрасна
Их красная медь!
Ты сумей
Это чудо недолгое
В светлой памяти запечатлеть.

За приречными
Сонными ивами
Ты в рассветный туман загляни
И, взволнованный голосом иволги,
Это утро
В душе сохрани.

Сохрани
Как закат
И как радугу,
Безмятежное утро свое,
Ибо жизнь нам дается
Ненадолго,
Лишь навек —
Продолженье ее.

Продолжается жизнь.
Продолжается.
Белоснежной кувшинкой в воде
Отражается жизнь.
Отражается
На еще не открытой звезде.

Только что нам до звезд
До неведомых?
Мы не рвемся к далеким мирам,
А мечтаем
Сегодня,
Немедленно
Все иметь, что отпущено нам.

Солнце радуги,
Песенку иволги,
Борозду с неумным грачом,
Малый прутик над речкою —
Ивовый —
С самым первым рассветным лучом.

Мы мечтаем,
И сладко мечтается
О любви.
Но проходит любовь
И, как старая книга, листается,
К букинисту попавшая вновь.

Мы мечтаем —
В долгу перед старшими —
Им сторицею долг возвернуть
И, порой до озноба уставшие,
Продолжаем
Намеченный путь.

Мы мечтаем
О будущем Родины,
Детям лучшую жизнь создаем.
О путях, что покамест не пройдены,
Мы мечтаем.
А значит, живем.

Так мужчины
Мечтают о верности,
Хоть не каждому жены верны.
Так поэты
Мечтают о вечности,
Хоть не каждому крылья дапы.

* * *

Крыло зари
Смахнуло темноту.
И небо стало чище и яснее.
Как часто мы не ценим красоту,
Особенно,
Когда мы рядом с нею.

Мы привыкаем
К отблескам зарниц,
К созвездиям,
К заплаканным березам,
К просторам, не имеющим границ,
Где бьются ливни и ликуют грозы.

Мы привыкаем
К лунной тишине,
Нависшей над заснеженной равниной.
Живем, не удивляемся весне,
Живем — и наши души не ранимы.
Да, мы не замечаем красоту...

Мы что-то ищем.
Что — не знаем сами.
И смотрим, смотрим, смотрим
За черту
Той красоты,
Что вечно рядом с нами.

И мечемся, как щепки по волнам,
И раньше срока
Уплывают в вечность
Любимые,
Доверившие нам
И красоту,
И молодость,
И верность.

УТРО В ЛЕСУ

В солнышко нацеленные крынки
Кверху дном
Зависли на плетне.
Выбегают мокрые тропинки
К солнышку погреться по весне.

К солнцу
Устремляются ракиты
Взрывчато
Весеннею порой.
И ручей, ничем не знаменитый,
Осветлен березовой корой.

И леса в своем многоголосье
Дарят солнцу
Песенный размах.
И несут непуганые лоси
Светлый мир на вскинутых рогах.

Здравствуй, утро солнечное!
Здравствуй,
Вечная весенняя пора!

Властвуй, утро солнечное,
Властвуй
Над возникшим стуком топора.

Это лесорубы пробудились
В час, когда затихли соловьи,
В час, когда на белый свет **явились**
Думы беспокойные мои.
Берегите светлые просторы,
К солнцу устремившие полет,
Не рубите
Ветку,
На которой
По ночам соловушка поет!

НА РОДИНЕ ЕСЕПИНА

Еще не поросли тропинки,
Что слышали твои шаги,
И материнскою косынкой
Еще пестрят березняки.
И говор леса, говор дола
И говор горлинок в лесах
Зовут тебя к родному дому,
Счастливого или в слезах.

Им все равно, каким бы ни был,—
Найдут и ласку и привет.
По вечерам играет рыба
И бабочки летят на свет.
И розовеющие кони
В закатном отсвете храпят,
И в голубых туманах тонет
Пугливый голос жеребят.

Все ждет тебя.
Все ждет, не веря,
Что за тобой полсотни лет,
Как наглухо закрыты двери
На этот самый белый свет!
Ты нам оставил столько сини!
А сам ушел, как под грозой,

Оставшись
На лице России
Невысыхающей слезой.

ВЕСЕЛЫЙ СНЕГОПАД

Снова слышу —
Бьют подковы,
Колокольцев слышу звон.
В это утро все мне ново,
В это утро
Я влюблен.

Понимаешь, я влюблен.
Разомкнулись горизонты.
Мир открыл со всех сторон
Позабывшие красоты.

Ах, какая красота!
На губах снежинки тают.
Ах, какая высота!
Шапка в небо улетает.

Не вернулась?
Не беда.
Улетела
Навсегда.

Я нырну в холодный снег,
Как в горячую подушку.
— Вот чудак человек, —
Кто-то скажет равнодушно.
Я не спорю,
Это так.
Знаю сам,
Что я чудак.

Я чудак, еще какой!
Может быть, уже последний,
Будь хоть прорубь под рукой,
Я нырну в нес немедля,

От восторга,
Просто так.

А потом, конечно, скажут:
— Жил да был один чудак. —
И на прорубь ту укажут.

Но, желанью вопреки,
Нет поблизости реки.

Только я, да белый снег,
Да прохожий человек.

ОТЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ

Женщины вбивали костыли
В изморозью тронутые шпалы.
А над ними
Плыли журавли —
Нехотя,
Уныло
И устало.

Женщины вбивали костыли
И на птиц летящих не глядели.
Тихо,
Невысоко от земли
Над землею
Журавли летели.

Взмах за взмахом
И за взмахом — взмах.
Стук да стук
По рельсам,
В бесконечность.
В птичьих отражается глазах
Памятная им дорога в вечность.

Той дорогой
Миллионы лет
Предки их покорно пролетали.
Землю —

Книгу радостей и бед —
Крыльями усталыми листали.

В их зрачках
Навек застыла Русь,
Что веками горестно скорбела.
И не потому ль
Земная грусть
К песне их гортанной прикипела?

Время унесло с собой тепло
От земли,
Что родиной им стала.
Улетали птицы тяжело,
Нехотя, тоскливо и устало.

Лес вздыхал,
В холодном полусне
Листья одинокие роняя.
Он-то знал,
Что снова
По весне,
Поредев, вернется та же стая...

Ах, как скорбно
Плыли журавли
Над землей, исполненной печали,
Словно
Понимать они могли
Женщин,
Что вбивали костыли
И отлета их не замечали.

* * *

О сколько раз я хоронил любовь
В твоей душе —
Сочти теперь попробуй.
Ты все простила мне.
Простишь ли вновь
Слепую ревность
И никчемность злобы?

Я сам себя давно обворовал
И сам перед собой
За все в ответе.
Я ревновал.
О, как я ревновал
Тебя ко всем и ко всему на свете!

К веселым ливням,
К той речной воде,
В которую ты бережно входила,
К закатам тихим,
К ласковой звезде,
Что над тобою по ночам светила.

Томила ревность,
Разум ослепя.
Страшна судьба
Любить и ненавидеть.
Я лишь к слепым
Не ревновал тебя,
Поскольку знал —
Тебя они не видят.

Я часто ревновал тебя во сне.
Тупая боль в душе моей плескалась.
А ты с рассветом
Улыбалась мне.
Я не хотел,
Чтоб ты мне улыбалась.

Я молча ревновал тебя
К цветам,
Что для тебя цвели
Под чистым небом,
К веселым селам,
К дальним городам,
Где ты была,
Где я ни разу не был.

Я даже к детям ревновал тебя.
А ты, как бы того не замечая,
Жила для них, страдая и любя,
И для меня жила,
Меня прощая.

А я?
Я хоронил в тебе любовь.
И лишь сегодня понял
В час прощанья,
Что ты отныне не поверишь вновь
Ни новым клятвам и ни обещаньям.

* * *

Не долго лето продержалось
И миновало стороной.
Поземкой раннею
Усталость
Мой путь означила земной.

Безлюдны и спокойны пашни,
В лесу, как во поле, светло.
Под холодком листвы опавшей
Не стынет вечное тепло.

Его я чувствую душою
И каждой клеткою своей:
Чем холоднее над землею,
Тем в родниках вода теплей.

И мы становимся мудрее,
Добрее от того тепла.
И не беда,
Что мы стареем,
Любовь бы только не прошла.

Моя любовь к тебе, любимой,
Всегда безмерна и светла,
Как те народные глубины,
Как море вечного тепла.

Прислушайся к покою пашен,
К тиши осенних деревень.
Вчерашний день им не был страшен,
Не страшен и грядущий день.

И нам пугаться не пристало
Поземки, что в полях сквозит.

Усталость — далеко не старость,
А нам и старость не грозит.

За свет души твоей спасибо,
Спасибо за твою любовь,
За то, что мы в любви к России
Прошли сквозь радости и боль

И в том стремительном потоке
Прошедших
И грядущих дней
Нашли глубинные истоки
Нетленной совести своей.

* * *

Снова гуси кричат в поднебесье
Над простором лесов и полей,
Над печалью оставленных песен,
Над нечаянной думой моей.

Улетают они,
Улетают.
От земли, где остыла заря,
И, как я,
До весны покидают
Дорогие их сердцу края.

При прощанье
Прошу я прощенья,
Расставаясь с родной стороной.
Но счастливейший день возвращенья
Остается, как прежде,
За мной.

Блудным сыном с пустою сумою
Я, сжигаемый вечным огнем,
Долгой осенью,
Длинной зимою
Буду жить этим радостным днем.

РЕЧКА ЦАРЕВИЧ

Я душу озябшую грею
В недальнем своем далеке,
Где речка с названьем Царевич
Чуть слышно скользит в лозняке.

Пусть воды ее небогаты
И вброд перейти — пустыки,
Но в звонах ее перекатов
Не слышится отзвук тоски.

Петляет веселая речка
В холодной тени лозняков,
И лилий неяркие свечки
Дрожат по краям берегов.

А рядом — хлеба золотые,
Над ними гудят провода,
Гудят надо всею Россией,
Звучат неизвестно куда.

А мне никуда и не надо,
Мне только бы этот простор,
Где в омут
Доверчивым взглядом
Уходит вечерний костер.

Гляжу, не могу наглядеться
Под легкий шумок в тростнике,
Как звезды, озябнув,
Погреться
Спешат к осветленной реке.

И я, бесконечно счастливый,
За ними слежу до утра.
И пляшут они торопливо
Вокруг отраженья костра.

Но вот провода над Россией
Рассветно встречают зарю.
— Спасибо, Царевич, спасибо! —
Я тихо реке говорю.
Я сказкой ее называю,

Тропинкой спешу меж хлебов,
Чтоб высказать,
Как вызревает
К нетленному миру любовь.

* * *

Небо ясное над полем,
В небе цвет голубизны.
Щуришь очи поневоле
От искристой белизны.

Добрый свет мой Отчизны
Опустился на луга.
В белом поле,
В поле чистом
Ослепительны снега.

Очертания березы
В белом зареве земли
Сквозь непрошенные слезы
Расплываются вдали.

Белый свет!
На этом свете
Мне милее света нет.
В свете том
Я не заметил,
Как минуло сорок лет.

Сорок зим,
Сорок лет!
А в глазах
Все тот же свет,
Та же белая береза,
Тот же самый санный след,
Та же отчая страна,
Что зарей осепена,
Под которой вызревает
Сорок первая весна.

Живу заботой Родины,
Заботой
Родной земли,
Что так ко мне щедра.
Она дала мне тяжкую работу
С бессонницей на кончике пера.

Светло раскрыла предо мною двери
К широтам рек и тайнам родника
И слух дала,
Который мне поверил
Красивый слог родного языка.

Дала глаза,
Чтоб в тихий час цветенья
Я мир природы русской соблюдал.
Дала возможность
Взлета и паденья,
Но, падая, я все-таки взлетал.

Меня хранило небо голубое.
И, прежде чем в его простор взлететь,
Я поднимался
Над самим собою,
Чтобы себя получше разглядеть.

Все мелочное,
Что въедалось в душу,
Я отметал.
И сладко было мне
России полдень чистым сердцем слушать,
И быть счастливым с ней наедине,
И видеть светлый мир
Ее глазами,
Добреть
Ее святою добротой,
И если плакать,
То ее слезами,
И правым быть
Ее же правотой.

* * *

Что бы ни было на свете,
Как бы солнце ни взошло,
Я хочу, чтоб дружбы ветер
Нес извечное тепло.

С тем теплом
Мы жарче любим
Красоту земли родной,
С ним — как в дедовском тулупе
На завалинке весной.

Вспомнишь детство,
И потянет
Сенным запахом весны,
Прелым запахом проталин,
Пьяным запахом ветлы.

Мир прекрасен, свеж и светел.
Под тулупом так тепло.
И ребячьей дружбы ветер
В мир вливается светло.

Дружба в детстве —
Это братство,
Что становится судьбой,
Не наследство,
А богатство,
Обретенное тобой.

Дружба в детстве
Значит — что бы,
Что бы ни было — легко.
Клятва верности до гроба,
Ведь до гроба далеко...

Где же вы,
Друзья-погодки,
Кто и где и как живет,
На какой житейской лодке
В мире суетном плывет?

Мне, как дважды два — четыре,
Стало ясно — и не вдруг,

Что без дружбы в этом мире,
В этом мире как без рук.

Нас жестоко разлучили
Реки, горы, города
И как будто отлучили
Друг от друга навсегда.

Постарели мы примерно
Лет на тридцать — от разлук.
Но у каждого, паверно,
Есть сегодня
Близкий друг.

У меня есть тоже друже.
С болью, с радостью — к нему,
Потому что он мне нужен
Так, как нужен я ему.

Я иду к нему сквозь вьюгу
И сквозь вьюгу слышу речь:
— Мы должны беречь друг друга,
Обязательно беречь.

* * *

О наивность святая
И сладкая горечь в груди!
Время первых свиданий,
Когда еще все впереди.

Мы — в полоске заката.
А в тумане
Звезда
Зазывает куда-то,
Неизвестно куда.

Вспомни давнее лето.
(Сколько минуло лет!)
Далеко до рассвета.
Не успел оглянуться —
Рассвет.

Я гляжу в твои очи,
Не видя лица.
А казалось, что ночи
Не будет конца.

И заря прикасалась
К твоей розоватой груди...
А казалось,
Казалось,
Что целая ночь впереди...

О наивность святая,
О юности самообман!
Время первых свиданий
Развеял холодный туман.

От заката к рассвету
Короткие тропы лежат.
Их зимою и летом
Влюбленные
Вновь сторожат.
Неизменно светает,
Туман удаляется прочь...

Вот и жизнь пролетает —
Быстрее,
Чем в юности ночь.

* * *

О тишины недоумение!
Умолкли птичьи голоса.
Лесного жаворонка пение
Не потревожит небеса.

Над редколесьем, над туманами
Не хоркнет вальдшнеп в тишине.
Молчит над сонными полянами
Тетеревиный гимн весне.

Все реже копыны можжевельника,
И все печальней гул берез.

Росинки в поредевших ельниках
Уже скользят подобьем слез.

Глядит природа удивленная
На человеческих рук дары:
Ложатся на траву зеленую
Гитары,
Ружья,
Топоры.

Костры полощутся под соснами,
По белизне берез спуют.
И вымирают травы росные,
И пьяно
Тещоры поют!

Под молодым, но грустным месяцем
Хрипит транзистор тяжело.
И у палаток
Тускло светится
Бутылок битое стекло.

И, глухо шаркая подошвами,
Карманной мелочью звеня,
Танцуют мальчишки дотошные,
Про нежность девочкам бубня.

Ты погляди, земля, внимательно
В настрой пустеющей души.
Какие же отцы и матери
Из них получатся,
Скажи!

Порастерявши совесть по лесу,
Их тени движутся в туман.
И на заре
Электропоездом
Они уедут по домам...
И забывают песни дивные,
Теряя птичьи голоса,
Уже почти декоративные
Великорусские леса.

* * *

Есть в мире нечто большее,
Чем должность и зарплата.
Есть синева глубокая
И золото заката.
Есть в мире
Тропки узкие
С лосиными следами.
Есть в мире
Песни русские
И солнце над садами.
Есть в мире
Люди близкие,
Печали есть людские.
Есть руки материнские,
Усталые такие.
И все-то, все им дорого,
Забоятся о каждом.
Есть где-то та,
Которая
Не встречена пока что.
Есть горечи и сложности
В забытой мною хате.
А ты, мой друг,
О должности
И о своей зарплате.

ПРОЩАНИЕ

О нем сказали:
— Добрый был отец...

И восемь сыновей его
Глядели
На гроб того, кто был отцом на деле,
Кто станет жить в звучанье их сердец.

О нем сказали:
— Храбрый был солдат...

И в подтверждение истины
Сверкали

Эмалью — ордена, огнем — мелади,
Не перечислить всех его наград.

О нем сказали:
— Он красиво жил...

И в мире
Ничего не изменилось.
Все так же речка по лугу змеилась
И над хлебами
Реяли стрижи.

О нем сказали:
— Умер хлебороб...

И долгим эхом отзывались дали.
Когда горстями
Землю мы кидали,
Она беззвучно
Падала на гроб.

Ложилась так,
Чтоб не тревожить сна,
Та самая земля, что станет пухом.
И даже смерть — костлявая старуха —
С такой землею рядом
Не страшна.

Он был отцом — оставил сыновей.
Он был солдатом — мир оставил людям.
Был хлеборобом. Кто его забудет
На памятной Родине моей
При вечном свете золотых полей?!

* * *

Мне тоже море нравится, не спору,
Но как-то ближе отчая земля.
Вот ты опять о море да о море...
А я тебя
Зову в леса, в поля.
Там я богат.

Там для меня планета
Со всем ее величием пошла
От ручейка,
В котором много света.
И потому планета так светла.

Найди и ты ручей звонкоголосый,
Уйди от суетливой пустоты.
Но ты не ищешь,
Только смотришь косо
И к морю убегаешь, как в кусты.

Боюсь, что ты, как снег весной, растаешь.
Растаешь — не останется следа.
Не будучи ручьем,
Рекой не станешь
И моря не увидишь никогда.

Не тем ручьем, что в ливень
На асфальте
У сточной ямы прекращает путь,
А тем — лесным, где радужная смальта
Трепещет и кольшется чуть-чуть, —
Живым ручьем,
Где в полдень под камнями
Блаженствуют рябые пескари,
Таким ручьем,
В котором бьется пламя
Песчинками негаснувшей зари.

Наперекор безудержному зною
Бежит ручей — дорога далека.
Его с прозрачной, чистой водою
Речушка встретит, а потом — река.
А там ему рукой подать до моря,
До Черного, где ты гостишь всегда...
Мне тоже море нравится, не спорю,
Ведь в нем и моего ручья вода...

И ты напрасно сразу стать мечтаешь
Тем самым морем — это пелегко.
Боюсь, что ты
И ручейком не станешь
За неменьшем чистых родников.

ПОЕДИНОК

Друг друга наяву не замечая,
Мы с недругом
Общаемся во сне...

Он почему-то угрожает мне,
А я ему улыбкой отвечаю.
Он вертится, как молодой удав.
От нетерпенья, кажется, сгорая,
Он лезет на меня:
«А ну, ударь!..»
А мне противно:
Руки замараю.
Я улыбаюсь.
Я смеюсь, когда
Передо мною жалкое создание,
Не знающее горечи труда,
Флиртующее громко с мирозданием.
Но он орет, как резаный орет,
Тщедушное дитя сырой погоды:
«Плевал я на народ! Я сам — народ!..»
И тут я бью
От имени народа.
И да простит меня честной народ,
Чей хлеб едят подобные подонки,
В его лице
Я бью ему подобных,
Хоть знаю, это даром не пройдет.
Я бью его
От имени парней,
Чьи руки нашу правду поднимают.
И парни
Одобрительно кивают
И говорят:
«А ну, наддай сильней!..»

Ну вот и все.
Иду домой пешком
Усталый, словно отягченный грузом.
Теперь, конечно, вызовут в партком,
Объявят исключенье из Союза.
И недруг,
Не скрывая сиянки,

Меня в тот день поздравит с пораженьем.
И я уйду,
Сжимая кулаки
Бессильным и униженным движеньем.
Куда идти — не все равно ли мне?
И вдруг — петух!
Орет, рассвет встречая...

Мы с недругом
Общаемся во сне,
Друг друга наяву не замечая.

* * *

Ты такая же маленькая,
В телогрейке,
На которую мода не скоро пройдет.
Тетя Поля, родная!
Давай посидим на скамейке,
Которую я смастерил
В позапрошлом году.
С той поры мы не виделись.

Расскажи мне о жизни,
О дорогах, что стали морщинами
И застыли недвижно
У тебя на лице.
Тетя Поля, родная!
Глаза твои стали похожи
На озера,
В которых давно не бурлят родники.
И озера тускнеют,
Мелеют и гаснут.

Ты не прячь свои руки,
Тяжелые, нежные руки.
Эти руки ласкали детей,
Обнимали детей,
На фронты провожая.
Эти руки растили хлеба
И сжигали хлеба,
Чтоб врагу ничего не досталось.

Эти руки, привыкшие к плугу,
Пропахли землею,
Сроднились с землею,
Стали частью земли.
И планета
Голубеет,
Покоюсь
На твоих материнских руках...

Тетя Поля, родная!
Сколько ты сыновей,
Дочерей схоронила?
Поди сосчитай!
Сколько вывела в люди?
Подросли — разлетелись соловушки:
Кто — на стройках в Сибири,
Кто — в Смоленске
На фабрике ткацкой,
Кто — на шахтах в Сафоново...

Тетя Поля, расскажи мне о жизни.
Впрочем, нет, не рассказывай.
Лучше давай помолчим,
Поглядим на закат,
На дорогу,
По которой возвращается стадо.

Вот сейчас ты уйдешь,
Подойдешь корову,
В печку дров напасешь
И не скоро уснешь,
Чтоб с рассветом,
Когда я пойду на рыбалку,
Встать и печь истопить,
Накормить ребятишек —
Им ведь в школу за семь километров.
Это жизнь, тетя Поля, родная!
Прости!..

Сколько помню тебя,
Ты такая же маленькая,
В телогрейке,
На которую мода
Не скоро пройдет...

* * *

Некрасивых
На свете немало встречается.
Но, бесспорным красавцем
Считая себя,
Всякий в жены желает
Лишь только красавицу,
Что грядет как судьба,
Красотой ослепя.

Ах, как много по этой причине
Незрячими
Стало в мире подлунном,
Что вряд ли сочтешь.
И уже про любовь их,
Когда-то горячую,
Невеселую песню
С годами споешь.

Прозревая,
Проходят они отрешенными,
Как по осени
В горькую пору дождя,
С безупречно и ныне
Красивыми женами,
Воровски
За чужой красотой следя.

И завидно им, видно,
С неслыханной силою
Всем, кому удается
В земной суете
В той, еще не красивой,
Увидеть красивую
И всю жизнь поклоняться,
Всю жизнь доверяться
И всю жизнь изумляться
Ее красоте.

* * *

Слышно,
Корова в хлеву вздыхает,
Яблоко падает, в листьях шурша.

Все засыпает,
Все затихает,
Дремлет собака у шалаша.
Над Украиной —
Крупные звезды,
Звездные ливни — над головой.
Крикни —
И эхо тебе отзовется
Где-то под Брянском или Москвой.

Спят тополя, прислонившись к ограде,
Слушая шелест днестровской волны.
Спит Украина, умаялась за день.
Пусть ей приснятся добрые сны!
Спи, Украина,
Радостной ночи!
И о судьбе не тревожься моей.
В песнях воспеты карие очи,
Черные брови твоих дочерей.
Где эта девушка, ставшая песней,
Юность, не канувшая во тьму?
Милая девушка, где ты,
И есть ли
Тропка, что к дому ведет твоему?
Где ты теперь?
Расскажи хоть немножко,
Как ты живешь,
И меня расспроси...
«Позарастили стежки-дорожки» —
Так уж поется у нас на Руси.

* * *

Какая здесь, скажите, вера,
Когда, не зная почему,
Я, вдруг поверив,
Лицемеру
Самозабвенно руку жму?
И что ему, скажите, стоит,
Себя улыбкой осеня,
Радужно пригласить за столик
И выпить чарку за меня?

И вот уже, сгибая спину,
Отдав размашистый поклон,
Я похожу на славянина,
Что иноземцем взят в полон.
И я уже как будто должен,
Обязан дань ему платить,
Не думать — до чего я дожил!
И ложь в застолье говорить.
О робость многовекового,
Седого рабства на Руси!
Держать за пазухою слово
Меня отныне не проси!
Ведь я не раб.
Я весь заполнен
Той верой, что во мне жива,
Тем самым Куликовым полем,
Где дремлет горькая трава.

ОЗЕРО ДИВО

Художнику Павлу Судакову

Всею Смоленщиной
Многим на диво
Ты мне завещано,
Озеро Диво.

Летом и осенью
Всюду со мною
Дивное озеро,
Чудо лесное.

В радости помню,
Помню в печали
Сказку,
Что люди
Дивом назвали.

Звезды качаются,
Дремлет осока.
Жизнь не кончается
В небе высоком.

Жизнь продолжается
Неторопливо
И отражается
В озере Диво.

Озеро Диво!
Озеро Диво!
Страшно при жизни
Жить молчаливым,

Жутко и горько
Быть несчастливым —
Нелюдям в радость,
Людам на диво!

Озеро Диво!
Озеро Диво!
Горько с любовью
Быть нелюбимым,
Страшно на людях
Жить нелюдимым —
Нелюдям в радость,
Людам на диво!

Жизнь продолжается,
В жизни, бывает,
Верного друга
Друг забывает.

Вдруг да любимая
Разом разлюбит!
Что же останется.
Добрые люди?

Что б ни случилось,
Я терпеливо
Верю в тебя,
Мое озеро Диво.

В сосны,
В березы,
Что над тобою,
В звездное небо
И в голубое.

Верю в людей,
Отыскавших в ненастье
Проблеск далекого
Озера счастья.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

И дым отечества
нам сладок и приятен...

А. С. Грибоедов

От него никуда нам не деться.
Он жестокою памятью стал
Потому,
Что под сердцем у детства
Черным пеплом войны оседал.

Сколько было тревог пережито!
Лишь припомнишь —
И видишь: вдали
Дым над полем, где вызрело жито,
Дым над Ельнею, стертой с земли.

Черный снег ниспадавшего пепла
Оседал на поля и леса,
Украина
От дыма ослепла,
Над Россией
Черны небеса.

Белоруссии небо
Не в силах
Поглотить эту страшную тень.

Даже тлели кресты на могилах
От горящих вдали деревень.

Надо ж было на свет народиться
И увидеть на вечной земле
С обожженными крыльями птицу,
Чуть живую, в остывшей золе.

Потерпи, одинокая птаха!
Как-нибудь до весны доживем...
Я ее обогрел под рубахой
Небогатым сиротским теплом.

Зимовали мы в темной землянке.
В ней казалось в те дни веселей.
Ведь ее озаряла
Зорянка
Благодарною песней своей.

А весной,
Когда отпотела
На холодных деревьях кора,
Улетела она, улетела...

Будто только вчера улетела,
Будто все это было
Вчера.

Оттого ли, что трудно дышалось,
И сегодня под сердцем лежит
В том дыму обретенная жалость
Ко всему,
Что обязано жить.

Равнодушие души не тронет
Поколению,
Чье детство — война.
Мы, как порох, уснувший в патроне,
У тебя под рукою, страна.

Если надо,
Мы вспыхнем, как пламя,
В самый горький для Родины час —
Лишь бы дети, спасенные нами,
Иногда
Вспоминали о нас.

Потому-то нам так и понятен
И душе опаленной сродни
Тот, что сладок, и тот, что приятен, —
Дым Отечества
В мирные дни.

* * *

А все отсюда начиналось:
И тяга к дальним городам,
Что навсегда в душе осталась,
Подобно звукам и мечтам,
И жажда жизни,
Жажда слова,
И тот давно не новый свет,
Что для меня и ныне новый,
Как некогда, в начале лет.

Сходились вновь пути-дороги,
Подобно клину журавлей.
И снова — новые тревоги
Среди лесов, среди полей.

А за плечами
Отсвет радуг
И молчаливый зов крыльца.
Я сам на горе иль на радость
Дорогу выбрал до конца.

И сам гешел по ней в ненастье
С огнем в нестынувшей крови,
Чтобы любить,
Не зная счастья,
И быть счастливым
Без любви.

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Анатолию Иванову

Здравствуй, поле, утром ранним!
Здравствуй, малая стезя!
Мне на бывшем поле брани
Не взгрустнуть
Никак нельзя.

И от грусти той
Поникнет
Колос, солнцем налитой.

И из грусти той возникнет
Память Родины святой.

Протрубят над полем трубы,
Прошумит огнем пальба.
Вот и я, сомкнувши губы,
Каю в мертвые хлеба...

Столько раз и солнце слепло,
Сколько раз
Во все века
Вместе с Родиной
Из пепла
Я как колос возникал...

Ратник поля Куликова
И солдат Бородина
Свято чтили силу слова
В малом слове: «Ро-ди-на».

И оно звучало веско
Над спокойствием Невы,
На семи холмах Смоленска,
На семи холмах Москвы.

И дорога
До Берлина
Им была озарена.
Слово «Родина» —
Былинно.
Здравствуй вечно,
Ро-ди-на!

Я к твоей причастен славе
И живу в твоих веках
Малой травкой разнотравий,
Каплей влаги в родниках.

Оттого и сердце бьется,
Что одной тобой дышу,
К чистоте твоих колодцев
С чистым сердцем прихожу.

Ну а если я
С годами
Растеряю чистоту,
Встанет пропасть между нами —
Я
Над пропастью
Пойду.

Если вдруг такое будет
И тебя обижу я,
У меня
Не будет судей —
Буду сам себе судья.

И уйду,
Как шел с базара
Хоть непоиманный, но вор,
Сам себе назначив кару,
Сам исполнив приговор.

* * *

С. Ф. Вондирчуку

Над высоким золотом полей
Мрачно
Возникало поле боя...
Матери
Теряли сыновей —
Самое на свете дорогое.

Залит кровью
Белорусский шлях,
Льется кровь
На русские дороги.
Миллионы
Падают в боях,
После смерти жить дано немногим.

Лишь немногим —
Мрамор и металл,
Даже самым дорогим и близким.
Не для многих
Скромный пьедестал
Возле безымянных обелисков.

И немногим улицам
Носить
Имена героев,
В битве павших.
Ах, как жаль,
Что всех не воскресить,
И особо —
Без вести пропавших!

Но к живым —
Чтоб помнили о нем,
Вспоминая не по круглым датам, —
Рвется
Пламенеющим огнем
Сердце безымянного солдата.

Возле трех негаснущих огней
Старость неутешная рыдает...
Матери
Теряют сыновей,
Родина
Героев обретает.

ВЫХОДНОЙ

Тетя Клава
Сегодня
Взяла выходной.
Тете Клаве побыть
Захотелось одной.
В магазине
Бутылку купила с утра.
Тетя Клава —
Военной поры медсестра.

Захотелось побыть ей
Одной.
Но она
Вот уж столько годов
Как на свете одна.
Никого из родных.
Но ее ли вина!

Всех, кто близок ей был,
Схоронила война.

Череда фотографий
Лежит на столе
Горсткой тлеющих углей
В остывшей золе.
В очи первенец смотрит
Так, что рюмка дрожит.
— Будь же пухом земля,
Что под Ельней лежит...
Вот другой, незабвенный,
Глядит, как живой.
— Будь же пухом земля,
Что лежит под Москвой...

Медсанбат...
Так знакомо
Для многих солдат.
Был землею и домом
Для нее
Медсанбат.
Всю войну тетя Клава
Войною жила.
Всю войну тетя Клава
Солдат берегла.
Верность мужу хранила
(И поныне хранит),
Хоть и знала,
Что он
Под Ростовом убит.

(А о том, что геройски
Погибли сыны,
Тетя Клава узнала
Лишь после войны.)

Столько лет
Тетя Клава
На свете одна.
Столько лет
Тетя Клава
Погибшим верна!

Вот они перед нею —
На скатерке льняной.
Вот она к ним припала
Головою хмельной.
Было время —
Подушка
Каменела в слезах,
А теперь —
Ни слезинки
В потухших глазах.

Тетя Клава
Сегодня
Взяла выходной.
Тете Клаве побыть
Захотелось одной.

ВЕРНИСЬ

Нагрянет грусть,
Грустить не торопись,
Покуда есть веселье,
Веселись.

Покуда есть источник,
Прикоснись.
Покуда ты в дороге,
Оглянись.

Есть два конца
У каждого пути,
И нужно не всегда
Вперед идти.

Порою нужно
Повернуть назад —
Туда,
Где в долгом отсвете зари,
Как дети безъязыкие, грустят
Забывшие тобою сизари.

Они грустят
О взмахе рук твоих,

О трудной доле,
Вышавшей тебе.
Признайся,
Что давно забыл о них,
Как о сверчке,
Что жил в твоей избе.

Забыл
Ступени старого крыльца,
Рябину,
Что у школы посадил,
Забыл
Могилы матери, отца
Среди таких же
Брошенных могил.

Все позабыл,
Уже который год
Шагаючи
Вперед, вперед, вперед.

Изба,
Что дед поставил у реки,
Еще стоит,
Замшелая с боков.
Вот-вот умрут в колодце
Родники.
Скажи, тебе не жалко
Родников?

Они угаснут
По твоей вине
В родной,
Тобой забытой, стороне.
Сверчок, что жил за печкою,
Давно
Навек умолкнул
По твоей вине.
И некогда веселое окно
Уже не распахнется
По весне.

Подернутая ряскою вода.
Забитый дом.

Забутые года.
Оборванные ветром
Провода
Ночами
Свет не донесут сюда.
Решей цветет
Там, где цвели цветы.
Ты виноват.

Еще виноват ты,
Что у твоих доверчивых ребят
Отняли ночи сказочных затей,
Где голоса веселых жеребят
Перекрывает
Ржанье лошадей.

У них отняли
Золото полей,
Стога,
Что приютились у реки,
Отняли
Возвращенье журавлей,
А главное —
Отняли родники.

Отняли
Песни отчей стороны.
И если петь их нынче не хотят,
Ты виноват.
И, может быть, вины
Тебе твои же дети
Не простят.

Ты горестно киваешь головой,
Ведь для тебя
Уже звучит как крик:
— Скажи мне, папа,
А родник — живой?
Скажи, какой он из себя —
Родник?

Покамест есть дорога,
Оглянись.
Пойми, что нет роднее ничего,

Чем тот родник,
Вернись, и прикоснись,
И дай напиться детям из него.

* * *

Уже в лугах вечерних
Бродят кони.
Я вижу их:
Они пестрят вдали,
Как божьи коровки
На ладони
Едва-едва проснувшейся земли.

Под елями
Еще снежок не стаял.
Но вальдшнеп звучно тянет на заре.
И высоки
Гусей летящих стаи
В холодном и закатном серебре.

Последний дрозд кричит
И затихает.
Уже заметно вызвездило даль.
И лес, от зимней стужи отдыхая,
Еще хранит неясную печаль.

Светлы и холодны в лесу
Березы,
Скользит неслышно черная сова.
Прихваченная легоньким морозом,
Хрустит, белея,
Старая трава.

Мерцают лужи — звездные оконца.
Луна
Сквозь ветви медленно плывет.
И высоко,
Еще задетый солнцем,
Как искорка
Мигает самолет.

* * *

Жаль мне цветов луговых.
Пахнет поземкою близкою,
Небо
Опутано **низкими**
Сетями птиц кочевых.

Серая даль затекла
Желто-березовой проседью.
Сердцу бы надо тепла,
Не стосковалось по осени.

Вечные гости земли,
Что погрузят
И расстанутся,
Гуси кричат,
Журавли,
Лебеди нехотя тянутся.

Что мне поделать с собой,
Если и грусть моя стелется,
Словно дымок голубой
Под золотою метелицей.

Словно я тоже в гостях
Побыл —
И жизнь моя пройдена...
Вот и тоскую
В ссях
Птиц,
Покидающих родину.

* * *

Какой неведомый покой
Мне душу опечалит,
И в край неведомо какой
Печаль моя отчалит?

И вновь я обрету
До слез
Родную с детства волю
У желтой заводн берез,
Что задремала в поле.

Печаль последнего шмеля,
Прощальный крик гусиный
Всем существом поймет земля,
В печали обессилев.

Меня,
Частицу той земли,
Что Русью величают,
Легко заденут журавли
Крылом своей печали.

И я, как в позабытый сон,
Стремясь поспеть за клином,
Легко уйду за горизонт,
Что журавли раздвинут.

Мне будет грустно и легко,
Песчинки слов роняя,
Лететь куда-то далеко,
На вожака равняясь.

Но вдруг пойму я,
Неспроста
Под сердцем боль почуя,
Что бесконечна высота
И даль,
Куда лечу я,
Что я могу
Родную речь
Забить, усвоив птичью,
Могу без визы пересечь
Любое пограничье.

Куда я — там?
Зачем я — там?
Без Родины — куда я?!
Все ниже, ниже
Высота,
Все выше, выше
Стая.

И вот земля.
Моя земля
Родная
Под ногами.

Шумят осины, шевеля
Костров осенних пламя.

И я гляжу в родную даль
Легко
И виновато.
И больше не зовет печаль
За горизонт покатый.

НАСЛЕДСТВО

Я не был поэтом...
Издревле
Я рос
Под розовым светом
Рассветных берез.

Мне клин журавлиный
Раздвинул века
С величьем былины,
С тоской ямщика.

Зимою,
Счастливым,
Я в розвальнях плыл
Навстречу разливу,
Что вербой пылил.

На пашне
Упорно
Я шел за сохой.
И сеялись зерна
Моею рукой.

Земле благодарный,
Я молча глядел,
Как август янтарный
Стернею желтел.

Веселое лето
Сходило.

Потом
Хрустели рассветы
Капустным листом.

Мы хмель собирали
В глубинах яров,
Мы свадьбы играли
Не хуже пиров.

Я бражничал круто
На свадьбах лихих.
Я выбрал подругу
Не хуже других.

Глаза васильково
Глядели на свет.
И доброе слово,
Любовь да совет.

И дело горело...
Да, знать, не судьба,
Коль огненно
Стрелы
Вонзились в хлеба.

Стрелы оперенье
И колос ржаной
Похожи
С рожденья
Вражды неземной.

Далекие дали,
Где радость и грусть,
В наследство мне дали
Глубинную Русь
С богатством, с нуждою,
С покоем, с грозой,
Со вдовой слезою,
С сиротской слезой.

Я дрался.
За волю,
За хлеб на столе,
За русскую долю,
За мир на земле.

В стенах половецких
Я рухнул с коня.
В застенках немецких
Казнили
Меня.

Я вряд ли забуду,
Где были бои,
Поскольку повсюду
Могилы мои.

И верить охота
При виде могил,
Что вновь я кого-то
Собой повторил.

Наверно, того,
Кто пожить не успел
И землю родную
В стихах не воспел.

* * *

Я рассветной дорогою
Мимо речки иду.
И последнюю трогаю
В белом небе звезду.

Скоро солнце проклюнется
Из скорлупки зари.
Над рекой,
Как над улицей,
Пролетят сизари.

Входит облако в облако
И плывет надо мной,
Отражается в омуте
Заревой стороной.

Прячет белые лилии
Тростниковая дрожь.

Я не жду тебя, милая,
Знаю — ты не придешь.

Что поделать!
Невесело.
И, встречая зарю,
Одеянье невестино
Я березе дарю.

А колечко,
Что милая
Подарила в саду,
Я на чашечку лилии
Осторожно кладу.

Пусть играет,
Качается
На рассветной волне.
Речка с небом венчается,
Благодарная мне.

И уйду я далече.
Но и там,
Вдалеке,
Будет видеться речка
С кольцом на руке.

* * *

Все утро,
Пока не растаял туман,
Роса опадала с ветвей.
И птицы, летящие за океан,
Прощались с отчизной своей.

Журавль
По болотам родным тосковал,
И гусь тосковал по реке.
Прощальную песню
Вожак запевал
На древнем своем языке.

Под взмахами крыл
Ниспадала роса,
И падали с шумом листья,
И теплое солнце сходило в леса
Уже с голубой высоты.

Был полдень печален,
Спокоен и чист.
В тиши паутина плыла.
А я-то все слышал
Размеренный свист
Последнего в небе крыла.

Все было, как я написал.
Лишь одно
Мне было признать нелегко,
Что птиц я не видел:
Они стороной
Прошли, высоко, далеко.

Но я для себя их
С рассветом открыл,
Когда занималась заря,
И ветра дыханье
С дыханием крыл
Я спутал, наверно, не зря.

* * *

Июльский полдень словно умолкает,
Не шелохнет ни веткой,
Ни травой.
Белей снежинок
Голуби мелькают
На фоне черной тучи грозовой.

Она плывет —
Вся в предвкушенье блеска
Неистребимых молний и громов
Над вскинутыми башнями Смоленска,
Над гордой высотой семи холмов.

Она петоропливо наплывает,
У тишины предгрозовой в плену.
Негромкий звон далекого трамвая
Да шум Днепра
Тревожат тишину.

Все ждет грозы.
Все замерло в смиренье.
Но, как ни странно,
Туча проплыла,
Навевая мне строку стихотворенья,
В которой долго тишина жила.

В ней билось солнце,
Что светило снова
Над городом, над башнями кремля.
А люди ждали
Ливня озорного,
Деревья ждали, травы и поля.

С высот холмов просматривались дали.
Луга, леса, что встали за Днепром.
И голуби
По-прежнему летали,
Уже темнея в небе голубом.

* * *

Неужели меня
От дождя не укроет береза?
Та береза,
Которую я укрывал от мороза
Старым дедовским ватником,
Старым своим одеялом,
Чтоб она выживала
И вновь по весне бушевала.
Укрывал и не знал,
Что она не боится мороза.

Неужели меня
От дождя не укроет береза?

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Истушенный крик все тише,
Бабье лето позади.
Третий день стучат по крышам
Равнодушные дожди.
Третий день по всем дорогам
Не снесла ручьи бегут.
Третий день пастух не трогал
Звонкий рог и хлесткий кнут.
Третий день в избе-читальне
Книги, игры — нарасхват.
Третий день путем недалгим
Едет киноаппарат.
В небе пасмурном, бездонном
Ветер поится, трубя.
Третий день жду почтальона —
Нету писем от тебя.

* * *

В луговую дымку
Падает звезда.
Может быть, не скоро
Я вернусь сюда.
Может, через месяц,
Может, через год,
Может, целых десять,
Десять лет пройдет.
Только я уверен —
Будет ждать меня
Жгучая крапива
Около плетня,
Будет ждать рябина,
Полыхать огнем,
Будет ждать девчонка
Вечером и днем,
Будет ждать ночами,
Подбегать к окну...
Во дворе собака
Будит тишину,
Да, чуть видный, кто-то
Бродит у двора.

Замужем подруги,
Да и сй пора...
В луговую дымку
Падает звезда.
Что бы ни случилось,
Я вершусь сюда!

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Отжила свое до срока
Летом
Сочная трава.
На стогах —
Сорочий грохот.
На жнивье —
Тетерева.

На дорогах —
Обелиски,
Где увядшие цветы
Наклонились низко-низко,
Чуя тяжесть высоты.

Но светло
В краю любимом,
Четко выстроившись в ряд,
В красных галстуках
Рябины
В школьных садиках стоят.

Вот вспорхнут ребята дружно,
Вздвогнет классная доска
От веселого
Поддужного
Последнего звонка.

Встрепенется тихий полдень,
И растает забытье,
И осенний день заполнит
Детство давнее мое.

Не роса упала с веток,
И не дождик зарябил —
Слезы, видимо,
От света
Мной посаженных рябин.

А ребята мимо скачут,
Как воробышки в пыли,
Удивляясь:
— Дядя плачет.
Эка дядю довели!

КЛАДБИЩЕ КОНЕЙ

В донских степях
В один из многих дней,
Когда земля податлива, как вата,
Наткнулся вдруг
На кладбище коней
Железным рылом грузный экскаватор.

В его зубах хрустели, как стручки,
Случайно потревоженные кости.
И молча
Пожилые казаки
Стояли на порушенном погосте.

Случайные прохожие,
Они
Фуражки сняли,
Головы склонили.
И замер экскаватор,
Уронив
Тяжелый ковш,
Подняв воронку пыли.

О ненависть,
Затмившая любовь!
Не ты ль вдевала жадно
Ногу в стремя?
В пустых глазницах конских черепов,

Казалось,
Навсегда застыло время.

Застыли солнце, травы, облака,
Седая даль полынная застыла,
И Дон застыл —
Великая река,
Что и коней и казаков поила.

И казаки,
Дожив до наших дней,
Забить не в силах битвы,
От которой
Остались только кладбища коней—
Костей полуистлевших жуткий ворох.

Те казаки —
Времен минувших связь —
Глядели молча, не сказав ни слова,
Как молодые парни, суетясь,
На счастье рвали
Ржавые подковы.

Знать, кости, что бедой погребены,
В душе юнцов не вызвали участия.
А старики
Когда-то,
В дни войны,
Под звон подков
В боях искали счастье.

Не многим счастье выпало в те дни.
Они-то помнят,
Уж они-то знают.
И вот стоят печальные
Они
И всех за счастье павших
Вспоминают.

СОЛНЕЧНЫЕ КОЛОДЦЫ

В колодцах солнца не бывает,
Бывают звезды иногда,
И все же солнечна вода!

Она в жару
Не убывает,
Не убывает
В холода.

И сколь ни чернай,
Не убудет,
Не потемнеет и во мгле.

Тропинки проторили люди
Ко всем колодцам на земле.

И хоть не храмами с крестами
Они стоят, всегда чисты,
Ты без поклона
Не достанешь
И капельки живой воды.

Не той,
Которая по трубам
Дойдет до крана и молчит.
А той,
Что там, в глубинах сруба,
Сердечком солнечным стучит.
И так стучит она от века,
Не умолкает никогда.
В жару напоит человека
И обогреет
В холода.

И в час,
Когда заря по кленам
Скользит и тонет в высоте,
Россия
Отдает поклоны
Живой колодезной воде.

ТИШИНА

На этом свете многое изведав,
Я верю в справедливость тишины.
Не той, что за минуту до войны,

А той,
Что после первых дней победы.

Победу возвещает не салют,
Не фейерверк, рассыпавшийся ало,
А женщины,
Глядящие устало
На облака, что в никуда плывут.

С детьми
На обессиленных руках,
Припоминая мужа,
Сына,
Брата,
Они молчат,
И тонет свет заката
В повыцветших,
Застиранных платках.

Победа!
И внезапно ветер стих,
Внезапно радость сердце захлестнула
От мысли той,
Что пушечные дула
Не грянут по оставшимся в живых.
Отгоревали женские глаза,
И лишь зрачки расширились от боли.
В них отразились вспаханное поле
И в сизой дымке дальние леса.
В них отразились
Пламя деревьев
И те дороги, что вели солдата
От отчего порога, от заката
В тот памятный своим рассветом день.

Стояла разрывная тишина.
Умолкли травы, и затихли реки.
И все-таки
Кончается навеки
С последней похоронкою
Война.

Никто не знает,
Сколько их придет

С гербом страны
И строками скуными,
Где будет назван день,
И этот год,
И самое родное в мире имя.

Во дни послевоенные
Солдаты,
Пред тем,
Как пасть в очередном бою,
В последний миг
Сквозь полосу заката
Кто мать увидит, кто жену свою.

С детьми на обессиленных руках
Они молчат.
Они глядят куда-то
В повыцветших,
Застиранных платках
Сквозь полосу угасшего заката.

Победу возвещает не салют,
Не фейерверк, рассыпавшийся ало,
А женщины,
Глядящие устало
На облака, что в никуда плывут.

МУЗЫКА ДУШИ

Среди лугов,
На берегах речушек,
В лесной, еще не тронутой тиши
Мне так легко
И так отрадно слушать
Нетраченную музыку души.

Ее бы каждый слышать мог,
Однако
Она со мной,
Она во мне всегда.
Никак не поддается потным знакам
И взмаху дирижерскому чужда.

В ней — солнышко в сердечках белых лилий
С парящею над ними стрекозой,
В ней тишина,
Что предвещает ливень
С веселой, освежающей грозой.

Звучат луга.
Звучит костер пастуший.
И ястреб замедляет свой полет,
И так легко
И так отрадно слушать
Все, что во мне восторженно поет.

Отрадно знать:
Душа не загрузела.
И сердце, замирая, не стучит,
Когда звучит
Струпа березы белой
И чисто флейта иволги звучит.

Звучит родник, сбегая по оврагу,
Ручью даруя чистоту свою.
И, чуя ослепительную влагу,
Олени
Продираются к ручью.

Звучит ручей,
Спеша к реке веселой,
К широкой и размашистой реке.
Звучат гармонии в поредевших селах
На грустном, уходящем языке.

Звучит рожок.
Печалится, тоскует.
И над его печалью,
До весны
Отгоревав,
Кукушка не кукует,
Лишь крики галок сумрачно слышны.

И все это во мне звучит.
И с этим
Когда-нибудь я и уйду, как все,
Туда,

Где солнце никогда не светит,
Где нет лугов,
Синеющих в росе.

Я стану почвой для грядущих знаков.
И музыка,
Принадлежа векам,
Уйдет со мною ближе к родникам,
Так и не став рядами потных знаков.

НА РОДИНЕ

Мы и люди и боги,
Стережущие эти края.
Не дымком самокруток,
А дымом эпохи
Закурила деревня моя.

Было грустно когда-то.
Не приходится нынче грустить.
Седовласый профессор,
Расщепляющий атом,
Приезжает к родне погостить.

И, потрянув стариною,
От души угостив полсела,
Сядет весело в сани
И снежкой летит целиною
Молодецки:
— Была не была!

А потом за ответным
Угощением
Вечер пройдет.
Щуря очи хитро
От неяркого света,
Старина разговор завсдет.

Как, мол, дети?
Как внуки?
Ровесников спросит.

И вдруг:
— Жаль, что вас, мужики,
Не хватает в науке! —
Скажет доктор наук.

А народ посмеется.
Наполнит стаканы народ.
И заметит профессор,
Что весело пьется,
И украдкой о чем-то вздохнет.

И умолкнет.
Ни слова.
Лишь будет очки протирать.
После молвит:
— Придется ли свидеться,
Вышьем ли снова?
Будто время, пора умирать.
Загрустит
Не о смерти.
Скорее — наоборот.
— Да, не сладко в науке бывает,
Поверьте.
Но и ваша работа не мед.

И, пожав на прощание каждому руку,
Побелевшие тронет виски.
— Сыновей, мужики, присылайте
В науку.
Мы без них пропадем, мужики!

ЗИМНЯЯ ЗАРЯ

На стеклах
Взошли терема,
В них стали морозы селиться.
Зима еще долго продлится,
Куда ни посмотришь —
Зима!

Рассветы
Беспечно-тихи,
И кажется, некуда тише.

Однако орут петухи,
Аж снег
Осыпается
С крыши.

По тропам,
По белым снегам,
В рассвете медлительно-сером
Уходят хозяйки
За сеном
К недальним прибрежным стогам.

Багровое солнце
Вдали
Над краешком поля привстало.
Казалось, ему от земли
Мешает подняться усталость.

Но вот поднялось
И пошло
Над лугом вослед за санями,
Над лесом
И над зелеными,
Которым под снегом тепло.

Оно уходило, горя
Спокойным, безветренным светом.
И розовым инеем
С веток
Чуть слышно спадала заря.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Баи топят.
Топят баи
У
ре-
ки.
В деревянных шайках парят
Ве-
пи-
ки.

Мужики, как раки, алы,
Но
 не
 в счет.
— Ах, еще поддай, пожалуй!
Ах,
 е-
 ще!

Пахнет медом, и березой,
И квас-
 ком.
И
 тверезо
По морозу —
Бо-
 си-
 ком!

Хорошо катиться голым
С ве-
 тер-
 ком.
С незлобивым и веселым
Ма-
 тер-
 ком.

Сколько шума,
Сколько гама
На
 бе-
 гу.
Прорубь донышком стакана
На
 сне-
 гу.

Мужики шумят —
И с ходу
Во
 весь
 дух
В обжигающую воду

Ух
да
ух!

Притомились,
Приустали
Му-
жи-
ки.

Были веники,
А стали
Го-
ли-
ки.

И, в сторонку бывший веник
От-
ло-
жив,
Ты и веришь и не веришь
В то,
что
жив.

То поэзия,
А проза
Под конец.
Захрустит, как снег в морозы,
Огурец.

Над картошкой,
Как над камешкою,
Пар.
И истошно
Зазывает самовар.

Развязались разговоры
И ремни.
В эту пору
В бане женщины одни.
Кто-то медленно пробаял,
Щуря глаз:

— Вялыйй пар.
Пожалуй, бабам
В самый раз.

ДВА СОЛНЦА

Два солнца каждому дано.
Сумей не проглядеть второе.
Ему за жизненной горою
Дремать до срока
Суждено.

Сумей
В мельканье трудных лет,
Что без конца бегут куда-то,
Не проглядеть его рассвет,
Чтоб не познать его заката.

Его восход увидел я
Сквозь жизни малое оконце.
Любимая!
Судьба моя,
Мое второе в мире солнце.

Одно желание в груди:
Пусть будет вечным день восхода.
Свети!
И в непогодь свети,
Как светишь в ясную погоду.

В мельканье дней, в мельканье лет,
В беде и в радости
С годами
Я не растрочу этот свет,
Чтоб ночь
Не встала между нами.

Два солнца
Каждому дано.
Уж так издревле мир устроен:
Одно
Глядит в мое окно,
И в душу мне глядит
Второе.

Порою трудно выразить словами,
Сколь на душе бывает хорошо...

Спят острова
На озере Саншо,
Спят облака,
Застыв над островами.

Пейзаж зимы величественно прост.
Снега,
И облака белее снега.
Над островами сосны в полный рост —
Они веками подпирают небо.

Здесь все как будто отошло ко сну
Под белым, ослепительнейшим снегом,
Лишь белка
Потревожит тишину
Да снег с ветвей
Стечет
За нею следом.

Как музыку, я слушаю ее —
Ту тишину, что откровенней звука.
В ней сердце неспокойное мое,
В ней новая с родной землей разлука.

Опять расстанусь с отчей стороной,
Куда весной вернуться птичьи стаи.
Растает снег под розовой сосной,
Последний лед
На озере растает.
Зазеленеют буйно острова,
Заплещется озерная прохлада.
И молодость земли
Возьмет права
На буйство звуков,
На цветенье сада,
На шум и смех с открытою душой,
На песню соловья над островами...

О острова на озере Сапшо!
Как тяжело мне
Расставаться с вами!

И я, как вы, в плену у тишины,
У тишины,
Что мне согрела руки,
У тишины,
Что копит до весны
Уже сейчас мной понятые звуки.

* * *

Л. М. Леонову

Что делать!
Так уж повелось издревле,
Что мы за наименьшем своего
Всю жизнь
Берем дыхание у деревьев,
Взамен им не давая ничего.

Мы жалобу родных берез не слышим,
Не слышим даже стука топора.
Мы просто дышим,
Дышим,
Дышим,
Дышим!
Сегодня тяжелее, чем вчера.

Нам суждено
Всю жизнь страдать одышкой.
Природа мстит за панибратство с ней...

А в чем, скажите, виноват сынишка?
Ему дышать
Во много раз трудней.

Над ним навис тяжелым камнем город,
Где воробьи — как галька у ручья.
Он с детства знает
Кислородный голод,
С которым в детстве
Незнаком был я.

Сиротское, босое, озорное —
Минуло детство, словно дождь косой,
Лишь радуга
Дугою расписною
Качнулась над ушедшею грозой.

Мелеют реки, умирают ели,
Березы скудно сеют семена.

Российские деревни поредели —
Тому виной война и не война.

Но все же к людям
Тянутся деревья,
Свои дары не пряча на засов.
И дышит город
Воздухом деревни,
Дыханием еще живых лесов.

Природа также думает о сыне.
А сыновья,
Приняв ее дары,
В берестяную летопись России,
Не думая, вписали топоры.

И потому
Не голубые росы,
А горькие слезинки
На ветвях —
Ночами плачут белые березы
Не о себе,
О наших сыновьях.

Как будто знают,
Что сегодня людям
Вопрос,
Но и ответ необходим:
Чьим воздухом живем?
Чей хлеб едим?
Что с внуками и с правнуками будет?

* * *

Г. Ревистану

Стоит Полярная звезда
Над нашим миром древним.
Деревням
Снятся города,
А городам —
Деревни.

В краю,
Где я когда-то рос,
Где жизнь меня ломала,
Я обретаю зренье звезд,
Больших и самых малых.

И вижу я
Тот самый день,
Который грянет скоро,
Когда не станет деревень —
Повсюду будет город.

Замрет Полярная звезда
На стриженных деревьях.
Но не забудут
Города,
Что родились
В деревне.

* * *

Все смертны.
Это истина простая.
Не потому ли снова
Человек
С печалью провожает птичьи стаи
В молчании лесов, полей и рек?

Уже решив,
Что этот мир не вечен,
И вглядываясь жадно в синеву,

Он молча шепчет им:
«До новой встречи!»
И думает:
«А вдруг не доживу?»

И это «вдруг» становится причиной
Тревоги
В ожидании весны.
И женщины всегда нежней к мужчинам,
Что без причины вроде бы грустны.

О влажные глаза людской печали!
Над вечным светом утренней земли
Вновь журавли привычно прокричали
И канули, как в заводи, вдали.

И я гляжу в покинутые дали
Наедине с тревогою моей,
Сочувствуя тому,
Что не видали
Мои друзья отлета журавлей.

Дела, дела. Извечные заботы.
Не каждый в силах вырваться в поля,
Чтоб ощутить в предчувствии полета
В своей душе
Тревогу журавля
И, осознав свою любовь к Отчизне,
Понять, как бы очнувшись ото сна:
Все смертно в этом мире,
Кроме жизни,
Где продолженьем осени — весна!

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

Н. В. Талыгину

Опять озвучены осины,
Кусты черемух и ручьи,
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.

Они поют не по привычке,
Не по пужде, в конце концов!

Их песня —
Это переключка
Домой вернувшихся певцов.

«Я тут! Я тут!» —
Один выводит.
«И я! И я! И я! И я!»
А сколько горестных мелодий
В обычной песне соловья!

В ней боль за тех,
Кто не осилил
Дорогу в отчие края.
Вот почему всегда в России
С тревогой ждали соловья.

Нелегко путь к ольхе знакомой,
К раките старой и к реке.
Бывало, выйдет дед из дому
В косоворотке, налегке
И в сапогах,
Что в праздник даже
И то не всякий раз послал.
И замирает, как на страже,
Тревожно вслушиваясь в синь.

Он слышит,
Как роняют почки
Едва-едва приметный звон.
И бабка рядом с ним
В платочке
Далеких, свадебных, времен.

Дед напряжен.
Почти не дышит,
Не видит неба и земли.
Он только чутким ухом слышит,
Как соловьи бурлят вдали.

И вдруг поблизости
Неволью,
Как бы случайно:
«Чок» да «чок».

И усмехнулся дед, довольный,
И тронул бабуку за бочок.

— Гляди-ка, наш-то отозвался,
Выходит, перезимовал...
А соловей всю старался,
Не слыша искренних похвал.
Он пел. И с этой песней древней,
Такой знакомой и родной,
Сливались поле, лес, деревня,
Уже живущие весной.

Пел соловей светло, знакомо.
И дед негромко, не спеша
Сказал:

— Ну вот, теперь все дома,
Кажись, оттаяла душа...

Он шел деревней вдоль дороги,
Был крепок шаг, но не тяжел.
И бабушка маялась в тревоге:
Кабы до девок не пошел.

Сидела старая у дома,
К сухим глазам прижав ладонь.
А дед принсс огонь черемух,
Пускай не яркий, но — огонь.

И в мире не было милее
Той соловьиной высоты.
И старая, от счастья млея,
Уткнулась в мокрые цветы.

Все было так и не иначе.
В тиши тонули голоса:
— Да ты, никак, старуха, плачешь?
— Да что ты, старый, то ж роса...

Дремали на коленях руки,
И сладко думалось о том,
Что вот и дети есть, и внуки,
И соловей вернулся в дом.

Но все не вечно в мире этом.
Что говорить, закон таков.

Роса с черемуховых веток
Оплакивает стариков.

Но вновь озвучены осины,
Кусты черемух и ручьи.
Опять, опять по всей России
Поют ночами соловьи.
И мы — в который раз — с любимой
Идем от дедова крыльца,
Чтоб в море голубого дыма
Услышать прежнего певца.

Он так, бывало, рассыпался!
Аж закипал черемух вал.

Но соловей
Не отозвался.
Видать, не перезимовал.

* * *

Спел бы я о том, чего не знаю,
Только не сумею, не смогу.
Сторона смоленская, лесная,
Я тебя у сердца берегу.

Мне бы
О тебе успеть с годами
Все, что знал, что знаю,
Рассказать.
Поле с неизменными хлебами
Живописным слогом передать.

Мне бы
Передать дыханье клена
С мокрою звездой на ветвях,
Что мигает светлячком зеленым,
Ненадолго вспыхнувшим впотьмах.

Мне бы песню передать
О доле
Женщин, не дождавшихся мужей,

Рассказать бы
О сиротском поле
Тех, послевоспных, рубежей...

Времени все меньше остается.
Жаль, что не всегда им дорожил.
Оттого и сердце горько бьется, —
Помня, что порой пенужно жил.

Сторона смоленская, родная,
Все, что знал, у сердца берегу.
Спел бы я о том, чего не знаю, —
К счастью,
Не сумею,
Не смогу.

* * *

Надо мной возник
Весны веселый голос.
Он разлился, словно речка,
В вышине.
Гуси-лебеди летят!
И шумный гомон
Душу трогает
И сердце ранит мне.

Проплывают гуси-лебеди
Над лугом,
Где к весне, как снег,
Растаяли стога.
Птицы тянутся
Цепочкой друг за другом
Над рекою,
Не вошедшей в берега.

Возвратились.
Воротились.
Возвернулись.
Солнце тронуло
Безоблачную даль.

На полнеба озаренно
Развернулись
И растаяли,
Оставив мне печаль.

И беспомощно
Глаза мои глядели
В опустевшую
И пасмурную высь.

То не птицы
Надо мною пролетели,
То года мои,
Как птицы, пронеслись.

НОВОГОДНЕЕ

Снова прожит год.
А что же,
Что дорожке стало мне?
Ты, любимая,
Вдвойне
Стала ближе и дорожке.

Ближе
Небо надо мной.
Стала мне земля милее
С малой речкой,
Что мелет
С каждой новой весной.

Птиц умолкших голоса
Все слышней, слышней
И ближе.
Поредевшие леса,
Поседевши, стали ниже.

Впереди — январь, февраль
И снега,
Снега по пояс.
Стал мне ближе
Санний поезд,
Удаляющийся вдаль.

Сани,
Кони,
Шутки,
Смех —
Все проходит, все уходит.
Постарел я на год вроде,
А как будто
Старше всех.

Старше вечной синевы,
Старше всех морей на свете.
Верьте мне или не верьте,
Старше Рима и Москвы.

И, наверно,
Потому
Стало все на свете близким.
Я иду с поклоном низким
Ко всему
Живущему.

Я хочу,
Чтоб этот свет,
Что в наследство нам достался,
Словно книга, прочитался
Через много тысяч лет.

И хочу,
Чтоб в книге той
Сохранились все страницы,
Чтобы люди,
Звери,
Птицы
Жили в книге золотой.

Постарел я.
Постарел.
Мерзнут слезы на ресницах.
Год прошел.
Не все страницы
Я в той книге усмотрел.

На скрипучем стареньком крылечке
Старики
Курили поутру.
Самокруток сизые колечки
Быстро исчезали на ветру.
Воробьи сновали по оградам,
Шли коровы с ревом из ворот,
Превращаясь в медленное стадо,
Что, пыля,
Ушло за поворот.

Лихо бригадирская двуколка
Пролетела —
Только пыль вдали.
В беленьких платочках
На прополку
Вслед за стадом
Женщины прошли.
Петухи забористо кричали,
Солнце пролилось на ивняки.
Старики курили
И молчали,
Кашляя до хрипа в кулаки.

Слабость в теле.
И глаза слезятся.
Мир как бы туманом занесло.
И за дело стало трудно браться,
И сидеть без дела тяжело.

Да и смерть их не пугает вроде.
Дед Антон мне говорил вчера:
— Горько оттого,
Что не приходит,
А ведь ей давно прийти пора.
Руки, брат, и ноги приустиали.
А когда бы
Вспаханное мной
В борозду одним рядком составить,
Был бы перепахан шар земной.

Покосил
В дугах и перелесках.
И когда бы все в стога смели,
Ты по ним
Дошел бы до Смоленска,
Не касаясь матушки-земли.

Все умел.
Одних печей поставил
Столько,
Что от их тепла зимой
Могут все снега в районе стаять.
Что в районе — в области самой!
Словом, пожил.
Умирать не страшно.

Три войны, считаи, провоявал.
Шел со смертью рядом в рукопашный
Громче всех в походах запевал.
Дед приободрился как-то сразу.
Но потом
В молчаньи сидел
И уже нездешним, тусклым глазом,
Отвернувшись, в сторону глядел.
Одинок старик.
Сыны и внуки
Разбрелись по городам земли.
Правнуки его
В большой науке
Имена сегодня обрели.
Пишут в письмах,
Что гордятся дедом,
Жизнью, что он прожил не за так.
Только вот который год не едут,
Деньги высылают
На табак...

Старики сидят, в дыму седея,
На приступках старого крыльца,
Вот не станет их,
И оскудеет
Край, что мне достался от отца.

Поживите, милые, родные,
Свет земли и солнца не зачах.

Вы же всю историю России
Бережно держали на плечах.
Тяжко было,
Но не уронили!
Ибо даже в горькие года
Вы и в мыслях
Ей не изменили,
Верными остались навсегда.

На крылечке
Жарко, как на печке.
Солнышко пригрело стариков.
Ветер стих.
И сизые колечки
Стали подниматься высоко.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Под резными небесами,
За большой горой крутой,
За высокими лесами
Ходит Ванька
Холостой.

В деревушке древней-древней
Вот уже который год
Он один на всю деревню
С этим именем живет.

И в деревне той,
Как вызов
Стародавней старине,
В каждом доме — телевизор
И приемник на окне.

Там девчата —
Руки в брюки,
Туфли лаково горят.
Будь хоть доктор от науки —
Все равно заговорят.

Мигом голову закружат.
Но стой, стой, стой!

Отчего же,
Почему же
Ходит Ванька
Холостой?

Почему же
Утром рано
Под веселый скрип сапей
Все ровесники Ивана
Водят в школу сыновей?

Я спросил его.

Тоскует.

Отвечает:

— Я бы рад,
Только мне бы городскую,
Понимасшь, ну, такую,
Чтобы с ней ходить в театр,
Чтоб в такси с ней рядом ехать,
В ресторан ходить вдвоем,
Чтобы вместе слушать Пьеху —
Не по радио,
Живьем.

Мне б такую, понимаешь,
Артистических кровей,
Чтоб мечтал сам Магомаев
Поухаживать за ней.
Чтобы с ней я мог поспорить
О театре, о кино...
Ну а здесь — тоска во взоре —
Все наскучило давно.
Жизнь в деревне тянет книзу,
Я ж согнуться не боюсь,
Есть отрада — телевизор,
С ним культурней становлюсь.
Духу времени внимаю,
Вижу дали дальние.
Становлюсь, я, понимаешь,
Интеллектуальнее.

Я сказал ему на это:

— Воля вольному.

Живи!

Продирайся, парень, к свету,

К свету жизни и любви.
У тебя в запасе вечность,
Дорожи своей мечтой.
И ходи,
Ходи, сердешный,
До скончанья холостой!

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Анатолию Никонову

Ни днем, ни ночью
Нет покоя
От странной мысли,
Что вдали
Грустят уныло над рекою
Большие птицы — журавли.

Им больше не познать полета
Над дымкой утренних полей:
В больших пожарах на болотах
Сгорели крылья журавлей.

О, как они пожар тушили,
Что подбирался к ним с утра!
Ведь в гнездах
Журавлята жили,
Еще не знавшие пера.

Трещали чахлые осины,
Сосенки падали, звеня.
Куда там журавлям осилить
Лавину страшную огня!

Потом
В дыму, летя сквозь пламя
Вслепую
В поисках земли,
С едва приметными крылами,
Не все вернулись журавли.

И вот грустят они над речкой
Той грустью,

Что живет века.
И тускло светится колечко
На длинной лапе вожака.

Он окольцован был в апреле,
Сумевший стаю привести.
Окольцевать его сумели,
Теперь
Сумей его спасти!

Мне страшно думать:
Будет осень
С густыми шапками опят,
Последний лист береза сбросит,
И стаи в небе затрубят.

И вот пока не наступила
Пора осенних горьких дней,
Найдите, люди,
Тех, унылых,
По воле случая бескрылых,
В огне горевших журавлей!

Они дадутся сами в руки,
Завидев вас издалека,
Хоть ничего не даст науке
Кольцо на лапе вожака.

* * *

Говорил мне отец:
«Надо жить, постигая
Только истины свет.
Был бы хлеб
И родная земля под ногами,
Был бы мир да совет.

Остальное — ничто.
Суэта остальное.
Только б крыша была,
Только б рожь наливалась

Да небо родное
Не жалело тепла.
Остальное — ничто.
Были б руки и ноги,
Жажда сеять и жать.
Были б только друзья
На житейской дороге,
С ними легче дышать...»
Благодарен отцу.
Он в заботе о сыне,
О грядущей судьбе
Говорил мне:
«Сынок!
Светлый полдень России
Доверяю тебе.
Этот полдень возник
Над нуждою и горем,
Как земли торжество.
Доверяю тебе
Поле, ждущее зерен.
Ты засеешь его...»

О, прости мне, отец!
Я не сеятель ныне,
Но не легче живу.
От бессонных ночей
На висках моих иней —
Сединою зову.

А завет твой
Я в полную меру исполнил,
Словно волю твою.
Я любимой России
Негаснущий полдень
В полный голос пою.

Я о Родине
Светлые песни слагаю,
Говоря в свой черед:
«Был бы хлеб
И родная земля под ногами,
Остальное придет и пройдет».

Юность —
 Это когда
 Мы безмерно довольны судьбой,
 Это время, когда
 Не пугают тревоги.
 Юность —
 Это когда
 Остаемся мы сами собой,
 А потом оставляем себя
 На житейской дороге...

А вернусь ли к себе?
 Я оставил себя далеко.
 В рыжеватом тумане
 Смоленских рассветов
 Снова теплится
 Грусть заревых облаков
 На закате,
 С которым прощается лето.

Как же я, не заметив,
 Ушел от себя?
 Неужели все в прошлом,
 Все неповторимо?
 Снова падают листья,
 Лесные озера слепя.
 Снова годы проходят —
 Все мимо и мимо.

Как же я не заметил,
 Что лето прошло,
 Промелькнуло,
 Как будто над просекой птица?
 А вернусь ли к себе?
 Возвратиться к себе тяжело,
 А ведь как бы хотелось
 Назад возвратиться!

К белоснежному саду
 Под белой луной,
 К белым лужицам,
 Тронутым легким морозом,

К светлой девушке,
Что, расставаясь со мной,
Под луною казалась мне
Белой березой.

А луга,
А поля,
А дорога во ржи,
А над ней жаворонок,
Восславивший солнце,
А летящие
Прямо сквозь солнце стрижи —
Неужели все это
Назад не вернется?
И чем дальше все это,
Тем сердцу больней.
Ах, как много вернуть
Мне б сегодня хотелось!
И чем дальше все это,
Тем сердцу ясней:
Видно, время пришло
Под названием зрелость.

Я иду по холодной
Осенней тропе
Мимо стылой реки
Со спокойным теченьем...

Зрелость —
Это всегда
Возвращенье к себе
Или поздняя жажда
Того возвращенья.

* * *

В снег идет человек
По тропинке нетореной.
Продолжается век,
Продолжается жизни история.

Как безлюдно вокруг
На заснеженных улицах!

Может, это ваш друг —
Человек, что идет и сутулится?

Может, это ваш друг,
Люди милые, снящие?
Погодите,
А вдруг
С ним случится беда настоящая?!

Да проснитесь же вы,
Позабыв равнодушие,
И огнями Москвы
Осветите дорогу идущему!

И огнями Москвы,
И сердцами горячими...
Ах, как жалко, что вы,
К сожалению, спите, незрячие!

Я к нему подойду,
Им самим не замеченный.
Я беду отведу
И скажу, что печалиться нечего.

Я ему расскажу
О далекой Смоленщине,
Дом ему покажу,
Где живет беспокойная женщина.

Я ему покажу
Окна светлые, ждущие.
Я его провожу,
Человека, сквозь бурю идущего.

Он сумет найти
Дверь, звонок к этой женщине...
— Вот и я.
Ты прости.
Я сегодня бродил по Смоленщине.

ВЕЧНАЯ МУЗЫКА

Музыка безмолвия —
Тишина.

Музыка безмолвия —
Ни огня вдали.
В музыке безмолвия
Мне слышна
Будущая музыка
Моей земли.

Музыка безмолвия —
Далеко рассвет.
Музыка безмолвия —
Спят хлеба.
В музыке безмолвия
Сорок лет,
Как луна над омутом,
Моя судьба.

Музыка безмолвия —
Я молчу.
Музыка безмолвия —
Звездный путь.
С музыкой безмолвия
Я хочу
От дорог, что пройдены,
Отдохнуть.

Отдохнуть от музыки
Городов,
Что меня преследует
И в родном краю.
Отдохнуть от грохота
Поездов,
Как от песен тех, что я
Не пою.

С детства землю выпало
Нам пахать,
На гудки фабричные
Выходить
И от самого себя
Отдыхать —
Словно самого себя
На заре будить.

Выпадало редко мне
Слышать тишь,

Но желанье бережно
Росло в крови.
С музыкой безмолвия
Помолчишь —
И слова появятся
О любви,

О друзьях-товарищах,
О весне,
О земле, которая
Всех милей.
Что ж еще на свете-то
Нужно мне,
Кроме вечной музыки
Вечных дней!

Ничего не надо мне,
Ничего.
Я, счастливый, слушаю
Свет луны,
Торжество бессмертия,
Торжество
Бесконечной музыки
Тишины.

* * *

На заре рассветные озера
Голубого неба голубей.
И летят в извечные просторы
Голубые стаи голубей.

Ласковая Родина, Россия!
Сердце беспокойное
Навек
Голубые ливни оросили,
Спеленали ленты синих рек.

Синева, голубизна сквозная.
И глухой осеннею порой
Все равно
Других краев не знаю,
Где бы я дышал голубизной.

Я сквозь тучи
Синий полдень вижу.
Вижу синь реки сквозь толщу льда.
С каждым годом
Я к России ближе,
Как к земле падающая звезда.

Кланяюсь земному тяготенью,
Тяготенью к свету и заре,
К тем березам с голубою тенью,
К синим травам в росном серебре,

К голубым глазам моей любимой,
К чистоте отеческой земли,
К голубям,
Что пролетели мимо,
Синей тенью промелькнув вдали.

* * *

Еще в краю родном
Рассветы
Тихи, как сотню лет назад,
Все так же мирно смотрит лето
На белый яблоневый сад.

Все так же сердце слышать радо
Протяжно-сытый рев коров,
Все то же пугало у грядок,
Что не пугает воробьев.

Все так же журавель клонится,
Стуча бадейкою о сруб,
И посреди села
Ветвится
Все тот же одинокий дуб.

Все та же вечная картина.
И с одиночеством в груди
Все та же тонкая рябина
Не может к дубу перейти.

Вокруг нее шумят деревья,
Но к ним не клонится она,

Надеждою все той же древней,
Как светом, до краев полна.

Вот только я не тот, что прежде,
И перед вечностью не лгу,
Что жить одною лишь надеждой,
Как та рябина,
Не могу.

ДУЭЛЬ

С. В. Смирнову

Над Черной речкой белые стога.
Вороны с криком
Мимо пролетают.
Как все нелепо!
И лицо врага
За снежной дымкой отдаленно тает.

Как все нелепо!
Горький плач саней,
И тишина,
В которой мало света...
Осиротели песни наших дней
С последней песней вещего поэта.
Он умирал...

Но в мире смерти нет!
Вот Лермонтов,
Смеясь, идет к барьеру.
И падает.
И снова меркнет свет...
Пока в сырой земле лежит поэт,
Его убийца делает карьеру.

А если ты не веришь,
То спроси
У Черной речки,
У седого леса —
С далеких дней
Так было на Руси:
На каждого поэта — по Дантесу.

* * *

Я виноват перед тобою.
Простишь ли ты,
Поймешь ли ты,
Что снова зацвели цветы,
Что снова небо голубое?
Я виноват перед тобою.
Да, да, перед тобой одной,
Что я ушел лесной тропой
С такой нездешнею весной!

По молодым зеленым травам
Мы шли туда, где тишина,
И самой сладкою отравой
Меня тревожила она.
Она со мной цветы искала,
Она была во всем права,
Когда на волю выпускала
Клин журавлей
Из рукава.

Она баюкала ветрами
Ивняк, цветущий у реки.
И на озерах, у закраин,
Качали
Щуки
Тростники.
Она смеялась то и дело
И, грешная, мне душу жгла...

А ты всю ночь
В окно глядела
И всю-то ночь
Меня ждала.

* * *

Дрозды пестрели на рябине,
Клевали спелую зарю.
И листья на реке рябили,
Плывя навстречу сентябрю.

Пылали вязы и осины.
И вот
Сквозь полымя огня
Голубоглазая Россия
Взглянула с грустью на меня.

Забилось сердце глуше, тише,
Проя прощенья у земли,
Что я не видел
И не слышал,
Как улетели журавли.

* * *

Оледенелый сруб колодца,
Журавль простуженно скрипит,
Зима смеется,
Сердце бьется,
Бадья обратно подается,
И колкий снег
Глаза слепит.
Жены своей не опасаясь,
Приникнет не один к окну:
Сугробов ведрами касаясь,
Идешь,
Красивая на зависть,
И гордо ждешь свою весну.

ПОДСНЕЖНИКИ

Привянули.
Завяли.
Отцвели.
И все ж от вас мне никуда не деться,
Подснежники —
Цветы моей земли,
Неяркие огни босого детства.
Я вас ищу,
Но не могу найти.
Склоняюсь над высокою травой.
Напрасно шмель гудит над головою —
Он к вам не в силах указать пути.

Но знаю я:
В родном краю, как прежде,
Где бьет родник, песчинки шевеля,
Еще стоит мой маленький подснежник,
Пригнувшийся под тяжестью шмеля.

* * *

Белеет парус одинокий...

М. Лермонтов

За молом море грохотало,
И было видно,
Как вдали
Жестоко
Парусник
Мотало
И тихо плыли корабли.

Тот
Парус
То волны касался,
То белой чайкою взмывал.

А с многопалубных красавцев
Катился музыки обвал.
Куда они
Или откуда —
Мне безразлично, все равно.

Был белый парусник
Как чудо,
Как в мир неведомый окно.

И я следил за ним с тревогой,
Не замечая, что ушли
Своей прогулочной дорогой,
Подобно льдинам, корабли.

И было — море.
Только море,
Да парус — чайкою в волнах,
Решивший море переспорить,
Презрев неодолимый страх.

Казалось бы, какое дело
Мне до него!
Но я страдал
Всем существом за парус белый
И понимал, что он устал...

К закату солнце уходило,
Прошедшие считая дни.
Привычно скалы осветило,
Что были целый день в тени.

Все так же море грохотало,
И парус —
Цвета серых скал —
Клохился к берегу устало
И волн понутных
Не искал.

* * *

Быть может, молния была,
А может быть, затмение,
Когда ты на душу легла
Как светлое забвенье.

Я обещал тебе стихи —
И верил в обещанье! —
Про те рассветы,
Что тихи,
Как мы перед прощаньем.
Про то,
Как ты была близка,
Как сердце слов искало...

Но лишь холодная строка
Светилась виолнакала.

* * *

Мы гадать на ромашках не будем,
Пусть другие их трепетно рвут,
Ведь живем мы и любим как люди,
Жаль
Что нелюди

Рядом живут
И, жестокое время сверяя,
На закате холодного дня
Ждут,
Когда я тебя потеряю
Или ты
Потеряешь меня.

* * *

О бывших друзьях,
О покинутом доме
Поведает память моя,
О солнце,
Что дремлет
В горячей соломе
На кромке студеной жнивья.

Над ним несвесомая нить паутины
Искрится холодным огнем.
И плотный туман
Заполняет низины —
Попробуй не вспомни о нем!

И детством повест.
И юность поманит.
Под отзвуки песни простой
Огромные кони —
По холку в тумане —
В подлунный уходят простор.

Я к ним, как за хлебом,
Тяну свою руку.
А кони стернею шуршат,
Меня обрекая навек на разлуку,
Навстречу рассвету спешат.

Ну как не заплакать
От эдакой боли!

Коней мне уже не вернуть...
Я плачу о доме,

О доле,
О поле
И знаю, что вновь не уснуть.

Мне вновь вопрошать,
По бульварам шагая,
Что ищем и что еще ждем?..

Холодные листья
Молчат под ногами,
Прижатые долгим дождем.

Прохожие редки,
К тому ж — равнодушны,
А впрочем, я их не виню...

В бессонную ночь я шагаю,
Послушно
Отдавшись грядущему дню,
Который увидит моими глазами
Все то,
Чем когда-то я жил,
Увидит,
Уже обделенный слезами,
Которыми некогда я дорожил.

* * *

Представь себе:
Отныне солнца нет.
Застыли родники, пожухли травы,
А ты — живешь
И не имеешь права
Поверить,
Что отныне солнца нет.

Не веришь ты,
Но видишь —
Солнца нет.
Как страшно знать,
Что нет на этом свете
И той звезды,

Что в горький час осветит
Твою дорогу радостей и бед.

Да, солнца нет!
Темно в твоих очах.
И сердце начинает гулко биться,
И, ветром опахнув,
Ночная птица
Скользит неслышно около плеча.

Ни молнии. Ни радуги. Ни зги.
Лишь вороны с проворным криком
вываются

Да суетно
Во мраке раздаются
Недобрых дел жестокие шаги.
Вся грязь и ложь повылезли наверх.
Над вечной правдой вызрела неправда.
Ты спрашиваешь:
— Что же будет завтра?
И слышишь той неправды жуткий смех.

Ты убедился
В том, что солнца нет?
Но есть надежда,
Убедившись в этом,
Вернуть земле хотя б частицу света,
Что дал тебе когда-то солнца свет.

Ну, где она?
Похоже, растерял.
Растратил свет
Еще при свете солнца!
И там, где было ясное оконце,
Зияет черной пустоты провал.

Но все ли растеряли искры свет,
Что сердцем,
Словно камнем, высекают?

Не все!
Ты видишь — искры возникают,
Им нет числа,
Как и названья нет.

Фантазия...
Но ты, мой друг, пойми,
Что солнце
Лишь до той поры пребудет,
Покамест на земле
Он дорог людям —
Тот свет,
Который сделал их людьми.

И ты огонь души своей не тронь
До той поры,
Пока не пригодится...

И возникают
Предо мною лица
Людей,
Что не растратили огонь.

* * *

Оставь меня наедине с собой.
Осенним днем
Под дождик морозящий
Дай погрузить над собственной судьбой,
О ней я ныне думаю все чаще.

Судьба!
Она просвечена насквозь,
Как дно реки в осеннем перволедье.
Крыло войны над детством пронеслось,
Да, к счастью, пули были на излете.

Да, к счастью, люди были.
И везде.
Оборвыша с голодными глазами,
Меня крошила Родина в беде
Святой водой — горячими слезами.

Я был ее заботой осиян.
И, вопреки желанью Риббентропа,
Рабы не получились из славян,
Они спасли меня,
Потом — Еврону...

Я перед прошлым
В вековом долгу.
В долгу
Перед солдатами седыми,
В долгу
Перед могилами святыми,
Где слезы удержать я не могу.

Я плачу от сознания того,
Что этот долг
Мне не вернуть вовеки.
И над слезами каменеют веки,
Глаза мои не видят ничего —
Ни шумных улиц и ни площадей...

И, как в ночи кромешной,
Наудачу
Шагаю я, слепой, среди людей,
А им и невдомек,
Что я — незрячий.

И остро к сердцу подступает боль.
И лишь тогда
Я горестно взываю:
— Оставь меня наедине с собой,
Я в это время снова прозреваю.

ЗАРЯ НАД ДНЕПРОМ

Над Соловьевой переправой,
Где были страшные бои,
Меня поднял
Закат кровавый
На крылья вечные свои.

Одно крыло
В Днепре купалось,
Другое простиралось вдаль.
А на душе была усталость
И неизбывная печаль.

Я видел,
Как прибрежной пеной
Туманы двигались в лесах,
Как мужиков, везущих сено,
Потряхивало
На возах,

Как обгоняли их машины,
Как вдаль летели сизари...
Я видел многое
С вершины
Меня приветившей зари.

На тихих плесах билась рыба.
И снизу
Видели меня,
Чернеющего над обрывом
На фоне ярого огня.

И я в огне того заката,
Припомнив правду о войне,
К уснувшему навеки брату
Вдруг обратился в тишине:

— Пусть глубоко тебя зарыли,
Ты встань
И молча посмотри,
Как надо мной
Трепещут крылья
Тобой завещанной зари.

Не всякий раз закат кровавый,
Но всякий раз
Твоя заря
У Соловьевой переправы
Свои бросает якоря!

* * *

И. Я. Васильеву

Есть истина —
Об этом каждый скажет,
И кто о ней не вспомнит в горький час:
Мы вышли из земли,

Уйдем туда же,
Чтоб стали травы гуще после нас.

Чтоб после нас
Земля не оскудела.
Мы слишком много взяли у нее,
Чтоб не отдать ей собственное тело,
Которое
С рожденья
Не твое.

Ты помни эту истину
И слиться
Спеши с природой, вызрев наконец.
Довольствуйся,
Что ты — ее частица,
Ее творенья светлого венец.

И вот когда ты осознаешь эту
Тебя с землей связующую нить,
Ты будешь жить
Предчувствием рассвета,
Желанием добро на ней творить.

Пусть будет черный дождь
И черный ветер —
Дыши надеждой,
Верую дыши.
И помни, раздавая свет души:
Не гаснет солнце
Оттого, что светит!

Земле доверься,
Ставшею Отчизной.
Поверь любимой,
Ставшею твоей.
Она тебе
Во имя вечной жизни
Подарит настоящих сыновей.

Не верь тому,
Что все на свете тленно.
Нетленны наши добрые дела.
Перед безлюдным холодом Вселенной —
Поток людского света и тепла!

И если есть на этом свете братство,
То только потому,
Что до конца
Земное
Бескорыстное богатство
Людские не растратили сердца.
И не растратят,
Как бы ни стремились
Людские души ложью обокрасть...

Живи,
Чтоб в мире
Процветала милость,
А в годы бед —
Ненстоящая страсть,

Чтоб каждому
В последний час
Хотелось
Сказать земле:
«За все благодарю.
Прими мое бесчувственное тело,
Я жил в борьбе,
Но мир тебе дарю!»

ПРИЕЗЖАЯ

Парни на девчонку
Смотрят не дыша,
Хороша девчонка,
Ох, хороша!
Из-под челки очи,
Что огни, видны.
Никакие ночи
С нею не страшны.
Парни
Так и вьются
Тучей комарья.
Хоть бы прикоснуться,
Жаль, не твоя!

Баянист не весел
И, хотя не пьян,

Чуб угрюмо свесил
На баян.
Словно бы тужит
О судьбе своей.
Кепку
Все туже
Тянет —
До бровей.

А она в сторонке,
Без подруг.
И пустует звонкий
Дощатый круг.
Девчата ревниво
Шепчутся:
— Гляди,
До чего красива,
Не подходи...
— Парни-то наши...
— Ишь, кобели!
— Да чего вы, спрашивается,
В ней нашли!..

Все, как притомились,
На бревнышках сидят.
Все, как сговорились,
На нее глядят.

Лишь одна
Не сводит
С баяниста глаз,
Не выдержав, подходит
И по кепке — р-раз!
— На чужую долю
Рот не разевай.
«Барыню», что ли,
«Барыню» давай!

ОДИНОЧЕСТВО

Голубою дремою
В ночь ушла весна.
Облако черемухи
Зябнет у окна.

Спать бы,
Да не хочется.
И глядит в окно
Белым одиночеством
Лунное пятно.

Что-то трудно дышится.
Грусти не тая,
Одинок слышится
Голос соловья.

Одинок
Горбится
У пруда ветла.
Одинок горлицей.
Жизнь твоя прошла.

С молодости — брошена.
Что ж, не ты одна!
Снежною порошею
Холодит луна.

Мокрою подушкой
Наильвает ночь.
Больно непослушною
Подрастает дочь.

Рано заневестилась.
Не к добру, должно...

Ты глядишь невесело
В белое окно.
Ночь такая лунная —
Не видать звезды.
Дочь такая юная —
Долго ль до беды!

* * *

Ивану Акулову

По ночам поезда,
Светлячками мигая,
Равнодушными окнами
Освещают откос.

Ухожу от себя.
От себя убегаю.
Уезжаю
Под стук неумолчных колес.

Я гляжу в темноту,
Ничего в ней не видя.
Я глаза затворил.
Ничего мне не жаль.
А наверно, надо бы
Взять да и выйти
Под широкое небо,
В подзвездную даль.

И — шагать до зари
По родимым просторам,
По траве-мураве,
По дорожной пыли.
От себя уезжаю
В прокуренный город,
Словно птица,
Лечу от родимой земли.

Исчезают из памяти
Вешние воды,
И родные поля —
Как следы на песке.
От себя ухожу.
Так идут пароходы
По широким полям
От земли вдалеке.

Забываю избу,
Что стояла над речкой, —
От нее на земле
Не осталось следа,
Лишь горит, догорая,
Холодную свечкой
Над отцовским простором
Ночная звезда.

Забываю,
И незачем память тревожить.

Что мне — холод звезды
Над угасшим теплом!
Прожит день, ну и ладно,
Подумаешь — прожит!
Будет новый.
К чему горевать о былом?

Ухожу от себя.
Только вряд ли удастся.
Забываюсь.
Надолго забыться нельзя.

Над моим забытьем
Гром однажды раздастся,
Слух прорежется
И отворятся глаза.

И возникнет
Родное, высокое эхо,
И, прозрев,
Я увижу бессмертную рожь...

От себя не уедешь —
Куда бы ни ехал,
И куда бы ни шел —
От себя не уйдешь.

* * *

В свете майского дыма
Мы спешим к соловьям.
Из объятий любимых
Мы уходим к друзьям.

Мы сидим отрешенно
Над безлюдьем реки,
Изменившие женам
Мужики-чудаки.

Обжигающий губы,
Крепок чай в котелке.

Снят мужья-однолюбы
От жен вдалеке...

6

И сквозь дрему
Нам слышно,
Как вдали от реки
С отцветающей вишни
Летят лепестки.

Слышно —
Жены вздыхают
Одиноко во сне,
Словно бредят стихами
Об ушедшей весне.

Дрогнут сонные веки,
Мы раскроем глаза
И пойдем,
Что навеки
Уходить нам нельзя.

А с последней звездой,
Что покинет простор,
Мы речною водою
Загасим костер.

Торопливо
Завяжем
Свои рюкзаки.
— До свидания, — скажем, —
Мужики-чудаки...

Мы напомним любимым,
Что весна не прошла,
В мире все
Повторимо,
Лишь бы верность жила.

Верность отчему дому,
Верность первой любви.
Повторима
Истома
После жара в крови.

В мире все
Повторимо.
И памятью всей
Мы в объятьях любимых
Забудем
Друзей.

* * *

С землею ощутив родство,
Подснежник
Выпорхнет, как птица.
Замрет,
Не ведая того,
Что он уже живет в границах
Большого сердца моего.

Я долго ждал его восхода
Над пробудившейся землей,
Его ждала
Сама природа
Всю зиму долгую
Со мной.

И вот
Он выпорхнул.
И замер.
И изумился оттого,
Что он увидел мир
Глазами
Большого сердца моего.

Был светел мир.
Велик.
Огромен.
Он чувства добрые будил
В пришедшем дне,
В грядущем громе,
В извечном холоде светил.

Он пробуждал
Дыханье ветра,

С полей несущего тепло.
И пчелы
От зацветшей вербы
Летели низко, тяжело.

Природе славу птицы пели,
И звери шли на водоной
Прогретой солнышком апреля
С рожденья хоженной тропой.

Забыв зимы студеной вьюгу,
Ее озлобленный мотив,
Все люди
Верили
Друг другу,
Любовь и веру ощутив.

И у людей добрели лица.
И мир,
Не ведая того,
Входил доверчиво
В границы
Большого сердца моего.

* * *

Отшумели ручьи по оврагам,
И снега
Под дождями
Сошли.
Их студеная, вешняя влага
Напоила
Глубины земли.

Неизменное
Древнее чудо!
Там, где иволга снова слышна,
Голубые дымы незабудок
Разостлала в оврагах весна.

И над ними
В просторе высоком,

Разметая соцветья звезд,
Палитые разбуженным соком,
Зашумели вершины берез.

В этом шумном
И вечном движенье,
В освещенных зарей небесах
Я увидел
Весны отраженье,
Что в моих отразилась глазах.

Пела иволга песню рассвета,
Что восток над землею занес,
И — в преддверии солнца и лета —
Затихали
Вершины берез.

ОСЕНЬ В НОВОСПАССКОМ

Уснули в Новоспасском липы,
Последние считая дни,
Но, молчаливые,
Могли бы
Поведать многое они.

И вот молчат,
Как на поминках.
Над ними — даже ветер тих.
Их не встревожит
Голос Глинки,
Давно покинувшего их.

Они стареют с каждым годом
Вдали от шумных городов,
Отдавшись участи природы
И неизбежности годов.

Им осень, скажем, не в новинку.
Да только голос их затих
Лишь оттого,
Что умер Глинка
Вдали от родины,
От них.

А если б спал он где-то рядом
С прицелом отчего крыльца,
То неизменно были б рады
Их постаревшие сердца.

Значками потными
Капели
Рояся на весенний снег,
Они б пад ним такое пели,
Чего не услышать вовек!

Но вот молчат,
Давно оплакав
Для них родной и вечный прах.
И черный траур потных знаков
Застыл в безжизненных ветвях.

ТУРГЕНЕВ В ПАРИЖЕ

Он долго жил вдали от дома
И от родных полей вдали
Пьянел от запаха соломы,
Что ветры родины несли.
Он не забыл родимой речи
В Париже
Только потому,
Что жил Касьян с Красивой Мечи
И снился по ночам ему,
Что Хорь с Калинычем дарили
Ему настой цветов и трав
И щедро с ним всю жизнь делили
Покой полей и шум дубрав.

И как невиданное диво
От немоты берег его
Язык
Великий и правдивый —
Язык народа своего.

Чужие ветры
Не сгибали,

А проходили стороной,
Ведь коренной российский барин
Был крепостным земли родной.

ДОМ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ ШОЛОХОВ

Среди шести материков
В краю,
Где плещет Дон,
Стоит на стыке двух веков
Соломой крытый дом.

Другие люди в том дому
Живут давным-давно.
Я низко кланяюсь ему,
Не постучав в окно.

Дрожит в оконце синева,
И помнит, помнит дом
Того,
Кто первые слова
Здесь начинал с трудом,
Того, кто первые шаги
Вот здесь же
Начинал,
А где друзья и где враги,
Уже не здесь познал.

Но здесь
И колыбель была,
И за куделью
Мать
Мальчонке пела про орла,
Рожденного летать.
Но здесь
Открылась высота,
Что над землей лежит.
И та земная красота,
Что мир заворожит;
И правда та,
Что потрясет
Весь мир (хоть он велик),

И слово то,
Что понесет
Всяк сущий в нем язык...

Ясна над домом высота
В краю,
Где плещет Дон.
Вначале было слово?
Да.
Но был до слова
Дом.

* * *

Тишина над тихим Доном.
Тишина...
Только слышно, как в затоках
Плещется луна.
Только на берег сынучий
Набежит волна.
И опять стоит на круче
Тишина.
Над великою рекою
Я, склоняясь, пью,
Тихо черпаю рукою
Лунную струю.
И вода в моих ладонях
Призрачно легка,
Как росиночка,
Что тонет
В чашечке цветка.
Пахнет ночь
Арбузом спелым,
Молодым вином,
Пахнет
Песнею песнетой,
Непришедшим сном.

* * *

Над большими городами
Не летают журавли.

Прилетают,
Улетают —
Смотришь, город обошли.

И пошли,
Пошли сторонкой
Над грядкою деревень,
Песней грустной и негромкой
Начиная новый день.

Я грущу, на них в обиде
Оттого,
Что — вот беда! —
Мой сынишка их не видел
И не слышал
Никогда.

Я и сам живу с тоскою,
Словно лодка на мели,
Оттого
Что над Москвою
Не летают журавли.

Но на радость москвичам
Мой сынишка утверждает,
Что, конечно же, летают,
Но летают —
По ночам.

* * *

Я с рожденья опьянеп веспой.
И когда беда меня ломала,
Верил я,
Что за моей спиной
Во поле березонька стояла.

Не она ли голос мне дала,
Силой наделила не она ли?
Во поле березонька росла.
Многие об этом и не знали.

* * *

Белой тройкой
В белом поле
Быстро юность пронеслась
И на сердце поневоле
Белым снегом улеглась.

Этот снег лежит, не тая
Ни весной, ни в летний зной.
Чья-то юность золотая
Пролетает стороной.
Тот же снег,
И те же санш,
И летит, летит, звеня,
Та же тройка
С бубенцами,
Что звенят не для меня.

Чья-то юность пролетает.
А в душе моей больной
Белый снег лежит, не тая
Ни весной, ни в летний зной.

* * *

Все дальше от деревни ухожу.
Но, уходя,
Я чувствую и знаю:
Чем дальше, тем сильнее дорожу
Тобою, сторона моя родная.

Чем дальше,
Тем дороже мне покос,
Что справедливо
Праздником казался.
Чем дальше я,
Тем ближе мне погост,
Что вечно над деревней возвышался.

Я не о смерти.
Рано мне о ней,
Хотя, как говорится, все бывает...

И тишина на родине моей
К спокойствию и мудрости взывает.

На том погосте
Спит моя родня.
Она знакома мне по фотоснимкам.
Не будь ее, и не было б меня,
Идущего с тревогою в обнимку.

В моей деревне родственников нет.
Когда-то каждый
Навсегда простился

С родной землей,
Которой краше нет,
Где ты родился,
Только не стодился.

Чем дальше от деревни ухожу,
Тем четче память,
Тем сильнее тревога:
А так ли жил?
А тем ли дорожу?
А правильно ли выбрана дорога?

Я воздухом Отечества дышу,
Служу ему своим нехитрым словом.
Вот только
От деревни ухожу.
Но я вернусь к ней непременно
Снова.

Когда-нибудь
Вернусь к ней навсегда.
И это будет буднично и просто,
Лишь с неба молча
Упадет звезда
На свежий холм у древнего погоста.

УХОДЯЩИЙ ДЕНЬ

Мой день уходящий,
Постой,
Погоди.

Хоть болью щемящей
Останься в груди.

Останься
Печалью,
Строкою стихов,
Недолгим молчаньем
Твоих петухов.

Останься
Тревогой,
Что в сердце жила,
Забывтой дорогой,
Что в детстве была,

Весенней порошей,
Теплом деревень,
Мой светлый, хороший,
Мой прожитый день.

Я рад бы с тобою
Всю ночь говорить
О том, как любовью
Ты смог одарить,

Как ранил мне душу...
Постой,
Погоди.
Ты только послушай
И не уходи.

Но в звездные чащи
За солнцем вослед
Мой день уходящий
Уходит
В рассвет.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Проходят годы, как проходит лето...
Пылит заря рябиновой пылью.
И падают в холодные рассветы
Листы берез, омытые росой.

И на душе печально и тоскливо,
Наверно, оттого,
Что над рекой
Одна, как прежде, остается ива
С невысказанной вечною тоской.

По ком она печалится, тоскует?
Что снится ей, когда темным-темно?
Река молчит.
Кукушка не кукует.
И журавли отчалили давно.

Тоскует ива
И к земле клонится,
Все ищет что-то, глядя в тишину.
И не с кем ей печалью поделиться,
И не с кем ждать далекую весну.

И так всегда.
Проходит год за годом,
Столетия вот так же протекли.
И неизменно
Русская природа
Хранит печаль тоскующей земли.

Печаль
По всем скорбящим
И ушедшим
В неизвестную рябиновую даль...
Как не понять, о чем береза шепчет, —
Ей тоже не с кем разделить печаль.

Как не понять, о чем леса тоскуют,
О чем молчит холодная река?!
Но не найти мне Родину другую,
Где бы печаль
Была вот так легка.

Легка,
Как лист, сорвавшийся с березы,
Чиста,
Как сине росинки на листьях.
И не беда,
Что я рою слезы,
Невидимые в дальних городах.

* * *

Птицы жмутся к жилью человека.
Знать, во всем
Доверяют они
Человеку двадцатого века,
Человеку,
Что птице сродни.

Пой, малиновка, песню рассвета!
Я по-своему тоже пою
В середине цветастого лета
Немудреную песню свою.

Я несу сокровенное слово
Благодарной природе на суд,
Позабыв,
Что опять птицеловы
Под полой свои сети несут.

ТРЕВОЖНЫЕ СТИХИ

Лихорадит древнюю планету.
Много бед и много слез на ней.
Я обязан рассказать об этом
В суматохе проходящих дней.

Потому-то розовые краски
Опадают с чистого листа.
И душа уже не жаждет ласки,
И над ней не властна красота.

Я иду сквозь годы,
Как сквозь плети,
В седине,
Как в пепле и золе, —
Будто я не три десятилетия,
А три века прожил на земле.

Возвращусь ли к ясным зорям снова,
Смою ль в раны ввевшую соль,

Коль под сердцем
Вызревает слово,
Сердцу причиняющее боль?

И мои глаза туманит память,
Рот кривит от боли и обид:
Мир,
Что создан чистыми руками,
Пятна грязи бережно хранит.

Значит, вновь со мной
На этом месте
Вдовьи слезы
И сиротский плач,
Все — мое...

И бродит по планете
Прошлых лет и будущих
Палач.
Я хочу его ясней увидеть,
Чтобы быть ошибки не могло!

Ненавидеть —
Значит ненавидеть,
Не беда, что это тяжело.

Вот и гаснет радости основа.
Только ты в затмения не верь.
Жди меня с моим горячим словом,
Жизнь мою по пустырям не мерь.

Я к тебе приду, пройдя полсвета,
Нагорююсь вдоволь,
Нагрущусь,
Если не приду к твоим рассветам,
То к твоим закатам возвращусь.

Рожь отколосится,
Отгуляет,
Лен голубоглазо отцветет,
И кукушка голос потеряет,
И ромашка под косою падет,
Лилии над утреннею речкой
Надолго растают, словно снег...

И на загрустившее крылечко
Ступит самый грустный человек.

Ты не удивляйся,
Если это
Может быть...
А если не приду,
Значит, я на древнюю планету,
Веря в нашу молодость, паду...

Помнишь,
Как шумела рожь густая,
Жаворопок резал синеву?
Память — не снега,
Она не тает,
Я давно той памятью живу.
Открывались ясные просторы,
В лозняке туманилась река.
И давил на наши плечи город,
Каменно давил, издалека.

Все проходит.
Все приходит снова.
В суматохе уходящих дней
Я к тебе приду с высоким словом,
Ставшим всей тревогою моею.

Ты прости,
Что я тебя придумал,
Ты меня, пожалуйста, прости,
Если даже осенью угрюмой
Я к тебе не отыщу пути.
Ты прости, тебе же будет легче.
Одному мне боль утрат хранить:
Я три века,
Что взвалил на плечи,
Не имею права уронить.

Не имею права
На другие
Плечи
Этот груз переложить.
Три десятилетия России
Надо было все-таки прожить.

И прожить
Не птахою на ветке,
Не ужом, петляющим во мгле, —
Так прожить,
Чтоб мирно спали предки
В самой что ни есть сырой земле.

ОСЕННЕЕ

М. Алексееву

Земля моя с поблекшею травой,
Пронизанная болью журавлиной,
Вся в седине
И в посвисте былинном,
Позволь сказать, что я навеки твой.

Ты промолчишь, хотя ответят мне
Синичий голос, в тишине звучащий,
Рассветные рябиновые чащи,
Что вновь затосковали по весне.

Ты промолчишь, привыкшая молчать
Всегда, когда тебе в любви клянутся.
И стоит мне тебя рукой коснуться,
Ты все простишь, привыкшая прощать...

Летит к ногам последняя листва.
В лесу легко наедине с землею.
Земля моя...
Она во всем права,
И даже в том, что я чего-то стою!

СЫНУ

У сына очи ясные,
Как роднички в лесах.
Два солнышка,
Два небушка
Дрожат в его глазах.
Глаза родные, мамины, —
Счастливые глаза.

Так пусть не затуманит их
Соленая слеза.

Ах, слезы!
Я их выплакал
И за тебя, сынок,
Когда ступал непрошено
На чужой порог,
Когда дырявой скатертью
Дорога вдаль текла,
И — ни отца,
Ни матери,
Ни ласки,
Ни тепла...

Военные пожарища,
Кругом — одна нужда.
И мы брели с товарищем,
Не ведая куда.
Нас бабы сердобольные
Учили песни петь.
Нам говорили:
— Надобно
Разжалобить уметь.

По поездам,
По станциям
Мы пели, как могли,
О том,
Что сиротинушку
На кладбище снесли,
О том,
Что горе искони
Братается с нуждой.
И пели,
Плача искренне
Над собственной бедой...

Так пусть твои два солнышка,
Два небушка в глазах
Вовеки
Не купаются
В слезах.

* * *

Еще не родилась разлучица,
Что нас с тобою разлучит.
Зря не ревнуй.
Не падо мучиться,
Ведь ревность жизнь не облегчит.

Ты знай
И помни эту истину:
Мы не разлучимся,
Пока
Друг друга согревают искренне
Два сердца — два материка.

Ты знай о том,
Что понапрасну я
Не тратил нежности запас,
И хорошо,
Что есть неясное,
Невысказанное у нас.

Еще не высказано многое,
Еще все беды впереди.
И не ясна еще дорога та,
Которой нам с тобой идти.

А впереди —
То зори светлые,
То грозовые облака.
И наши думы заповедные
Земле ясны наверняка.

Земле понятно птичье пение
И ранний шорох тростников.
Понятно ей
Сердцебиение
Двух крошечных материков.

На ней влюбленные встречаются,
По ней идут,
Как мы теперь.
На ней, бывает, разлучаются,
Да только ты тому не верь.

Зачем тебе сомненьем мучиться,
От ревности сходить с ума?
Земля
Не вынесет разлучицы,
Пока не разлучит
Сама.

ЧУЖАЯ МУЗЫКА

Василию Федорову

Осколок месяца в окне
Дымит лучиною скупойю.
С самим собой надине
Я плачу
Над самим собою

И сам не знаю,
Почему
Молчу и слез не вытираю.
Как будто я
В родном дому
Чужую музыку играю.

Больному сердцу все больней,
И боль не передать другому.
В бессоннице родного дома
Чужая музыка
Слышней.

И как-то странно, что не сон,
Что это наяву со мною,
Что дом в раздумье погружен
И дышит звездной тишиною.

И в самом деле — тишина...
Но все отчетливей,
Яснее
Чужая
Музыка
Слышна.
Что делать, как расстаться с нею?!

И я по снежной целине,
Под равнодушно звездным небом
Иду туда,
Где свет в окне
Зимой и летом — до рассвета.

Шагаю к другу своему,
Чтоб рассказать,
Как я сгораю
От мысли,
Что в родном доме
Чужую музыку играю.

* * *

Я знаю,
Что за дальними лесами,
За синими морями, далеко
Есть женщины с нездешними глазами,
Но мне
С тобою рядом быть легко.

Известно мне,
Что за морями где-то
Есть в райских куцах чудо-города,
В них много блеска и чужого света,
Но я туда не рвался никогда.

Моя душа — в душе березы белой,
Ее заморским светом не согреть.
И память,
Что Россией заболела,
Не вытравить из сердца, не стереть.

Я болен этой памятью павски.
А солнцу что!
Ему-то все равно,
Чьи океаны,
Чьи моря и реки.
Великое, оно на всех одно.
Что значу я
В сравнении с великим
Светилом всех народов и веков,

Когда мне дорог запах повилики,
И дым костра,
И тени от стогов,
Когда молчат покинуто березы,
Как будто слыша стуки топора!
В такие ночи вызревают грозы.
Ты спи, родная, спать давно пора...

А я не сплю,
А я бреду бессонно
По некогда исхоженной тропе
На грани тени и на грани солнца,
Принадлежа России
И тебе.

* * *

Люсе

Как уголек сожженной спички,
Как дым ромашек на лугу,
Любовь становится привычной.
Но я привыкнуть не могу.

И как привыкнуть, я не знаю.
С годами
Любится сильней.
Ты для меня всегда — иная,
Но не привычной, а ясней.

Ясней глаза,
Что отражают
Небес весеннюю красу,
Ясней любовь,
Что отражает
Любую страшную грозу.

Ясней терпение,
С которым
Ты бесшабашного меня
Зовешь в грядущие просторы
Тобой увиденного дня.

Люблю, как заново рождаюсь.
И в поворожденной тиши
Живу, изменой не касаясь
Твоей доверчивой души.

Как от добра добра не ищут,
Любви не ищут от любви.
Я тот же, только сердцем чище,
И жарче жар в моей крови.

Я словно к тайне причастился
Прошедших и грядущих дней.
Гляди! Я заново родился,
Как в первый день любви моей.

ЛИСТОПАД

Осенние кустарники красны.
И желтизна берез
Дрожит над ними.
И я бреду
И повторяю имя
Той самой,
С кем расстался до весны.

Я не грущу,
Хотя грустят леса —
Их тоже до весны покинут скоро
Тетеревов любовные раздоры,
Листы берез
И птичьих голоса.

Что сделаешь!
Листву не удержат,
И журавли не могут оставаться.
Им надо — ввысь,
Им надо — оторваться,
А лесу пужно молча провожать
И не грустить в рябиновом огне
И в пламени берез,
Что тихо гаснут...

Тогда зачем тревожиться напрасно,
Зачем грустить, когда не грустно
мне?

Мне весело от мысли,
Что назад
Вернутся птицы
И листва вернется.
И не беда,
Что сердце грустно бьется,
Что на душе
Осенний листопад.

* * *

Я нынче слишком одинок,
Мне слишком грустно
И обидно,
Что никого вокруг не видно
Из тех, кто бы в беде помог.

Наверно, сердце неспроста
Болит невысказанной болью
Перед извечною любовью,
Где бесконечна красота.

Я одинок...
А ты ушла
В свои заботы и тревоги.
Остановись на полдороге,
Вернись, забудь свои дела.

Приди, прошу тебя, приди!

Я расскажу, как это было,
Как сердце занялось в груди
И как потом оно остыло.
Приди в мерцающую стынь.
Я расскажу,
Как сердце бьется
В песках неназванных пустынь,
В глубинах брошенных колодцев.
Приди!

Уйми мою печаль,
Сними беду своей рукою.
Неужто же тебе не жаль
Меня, не знавшего покоя?
Я сам не знаю,
Что со мной.
Уж больно сердце одиноко...
Остановись оно до срока —
Не знаю, кто тому виной.

Я просто буду молча спать,
Принадлежа деревьям, травам.
И одиночества отравы
Меня не сможет напугать.
Я буду вечен,
Как и та,
Которую искал годами,
Совсем забыв,
Что красота
Была как пропасть между нами.

* * *

И. Сташкоу

Когда душа перерастает в слово
И это слово
Начинает жить,
Не будьте же к нему весьма суровы
И не спешите
Скорый суд вершить.

Пускай звучит не так, как бы хотелось.
Вам надобно понять его суметь.
У слова есть
Рождение
И зрелость,
Бессмертие
И подлинная смерть.

И я живу, понять его стараясь,
И постигаю слова торжество,

К его бессмертью не питаю зависть
И не глумясь над смертностью его.

И, поклоняясь
Неподвластным тлению
Словам всепотрясения основ,
Я вижу душ высокое горенье
В звучаье
Даже самых смертных слов.

РАССВЕТ НАД МОРЕМ

Одинокю над морем стою.
Постоял.
И в часу предрассветном,
Как ни странно,
Припомнил деревню свою,
И родимым повеяло ветром.

Кипарисы ушли в облака.
Улетели.
Истаяли где-то.
И туманно возникла река
И над нею — полоска рассвета.
Зашуршала в оврагах ольха,
Потянулся дымок над деревней.
Золотым гребешком петуха
Солнце выглянуло из-за деревьев.

И над стынью холодной реки
В заревом и безбрежном просторе
Потянулись в поля мужики,
Что ни разу не видели моря.

А быть может, и видели,
Но...
Это было в войну.
Это было давно...

Вот идут они молча,
Махоркой дымят,
Щуря очи,
О чем-то толкуют.

Никому не перечат,
Никого не бранят
И о море, представьте себе,
Не тоскуют,
А тоскуют они иногда,
С одинокою старостью споря,
О сынах, что ушли в города —
Будто канули в синее море.

Волны моря безбрежно тихи.
Солнце всходит,
И звездочки тают.
Но по-прежнему входит в стихи
Шум листвы,
Что сейчас опадает
С пожелтевшей смоленской ольхи.

* * *

Качаясь,
Как в бадье студеной льдинка,
Ко мне приходит месяц
Погостить.
И рад бы я
Сегодня не грустить,
Да вот с души не стаяла грустинка.

И грустно мне
С грустинкою моей,
С моим обычным,
Столь понятным словом —
Таким далеким
От чужих морей
И близким
От родной земли основы.

А грусть моя
По скошенной траве,
По радуге
Над соловьиным бором,
По русской песне,
Что звучит в Москве.

С каким-то очень грустным
Перебором.

О грусть моя по веку мужика,
По тем спокойным деревенским селам,
Где все-таки
Звучит моя строка,
Понятная в застолье невеселом.

О грусть моя!
Могу, однако, я
Тобою пренебречь в стихотворенье.
Но мой усталый
Пятистопный ямб
С бодрячеством не жаждет
Примиренья.

И я иду
По молодому льду,
По месяцу,
Что под ногами тает.
А звезды набирают высоту
И нехотя на прорубь палятся.

И тихо так
Над озером лесным,
Что грусть моя
Уходит незаметно
В сухой мороз,
В березовые сны,
В рябину над тропинкою заветной.

Рябиновые грозди на ветру
Позванивают медленно и глухо.
И я молчу,
И я слова беру
Нерезкие и ясные для слуха.

Какие песни завтра запоем?
И вот когда
Мне это станет ясным,
Вчерашний день,
Что прожит понапрасну,
Покажется таким рабочим днем!

* * *

Как давно не сидел я
За чистым листом,
Мимо жизни глядел,
Все спешил, все летел
И откладывал все на потóм.
Все потом да потом...

Дни размеренно шли.
А потом
Гуси-лебеди вдруг улетели.
А потом
Улетели мои журавли,
Поднимая в лесах
Золотые метели.

И уже не случайно
Страница чиста.
И в душе,
Как в осеннем лесу,
Пустота.

Как давно я
Любимой цветов не дарил!
Все — потом,
Утешая себя, говорил.

По оврагам
Черемуха сыпала цвет,
Гас ночами
Сирени сиреневый свет,
Отцветал иван-чай,
Горицвет угасал.
Все — потом,
Все — потом,
Я себя утешал.

А потом
Все цветы до весны отошли,
Над поэзией цвета —
Осенняя проза,
Уж на что — хризантемы!
И те отцвели
До мороза.

Только грозди рябины
Закатно горят,
И уже не случайно
Печален твой взгляд.

О любимая!
Сила и слабость моя,
О любви слишком мало
Говаривал я.
Почему?
Не случайно,
Ты знаешь о том:
Я слова о любви
Отложил на потом.

Что — слова!
Если сердце любовью горит,
Если каждой кровинкой
С тобой говорит,
Если каждым привычным
Движеньем в груди
Сердце просит:
«Поверь, все еще впереди,
Белый снег впереди,
Белый сад впереди,
Белых лебедей стая
Еще впереди.

О любимая!
Полно грустить,
Погоди,
Все у нас впереди,
Все у нас впереди».

Я не жил краснобаем,
Тихоней не жил.
Я о Родине
Честные песни сложил.
Я о птицах слагал,
Я слагал о цветах,
Имя только твое
Я носил на устах.

И бывало, бывало,
Жалею о том,
Что немало
Откладывал я на потом.

О ТЕБЕ

Я живу в ожидании слова,
Что приходит само по себе,
Потому что я снова и снова
С этим словом
Являюсь к тебе.

И мое появление свято,
И ясна этих слов чистота,
Потому что бывает крылатой
Только с ними
Твоя красота.

И когда я бываю бесилен,
И слова, что приходят, не те,
Ухожу я бродить по России,
Поклоняясь
Ее красоте.

Но в безмолвном, слепом поклоненье
Я тобою, как прежде, живу,
И в душе отмечаю волнение,
И высокое слово зову.

И приходит оно
На рассвете
Там, где молча встают зелены,
Где уздечкою звякает ветер
Над разметанной гривой коня.

Там, где песни земли не забыты,
Там, где песни, как детство, чисты,
Где устало
Вздыхают ракиты
Под костром заревой высоты.

Там не встретишь людей некрасивых
И не верящих в эту зарю.
Если я говорю
О России,
Значит, я
О тебе говорю!

СЕЛЬСКИЙ БЕТХОВЕН

У мельницы заброшенной,
Познав земной предел,
В галошах,
Редко ношенных,
Мой дедушка сидел.

Глядел, как солнце парило,
Как ястреба парят.
Он знал,
Что птицы парами
Гнездовья мастерят,
Что тростники качаются
От щучьего пера,
Что нынче
Не кончается,
Что было с ним вчера.

Он чуял цвет орешника,
Ольховую пыльцу.
И блики солнца вешнего
Скользили по лицу.

Над столь знакомой гребнею
В сиянии лучей
Шумели ивы древние
Гнездовьями грачей.

Заброшенная мельница.
На водосбросе — мох.
А мне никак не верится,
Что дедушка
Оглох,

Что к мельнице заброшенной
Тропинка чуть жива,
Что в пыль седую
Прошлое
Истерли жернова.

Глядят,
Как небо осенью,
Туманные глаза
На солнечное озеро,
На дальние леса.

Блестят галоши новые
На худеньких ногах,
И дудочка вишневая
Покоится в руках.

Но вот занела дудочка —
Неслыханный мотив!
И приумолкла
Уточка,
И селезень
Притих.
Леса, казалось, частые
Поближе подошли,
Умолкли перед властною
Мелодией земли.

В ней слышалось
Звучание
Давно забытых слов,
В ней слышалось
Ворчание
Потертых жерновов,
Скрип колеса веселого
И пение скворца,
Крик журавлей над селами
Без края и конца.

Над молодостью Родины,
Дожившей до тепла,
Пером,
С высот уроненным,
Мелодия текла.

Я потрясен был мужеством
Глухого старика,
Творца великой музыки,
Спокойной, как река.

— Мне жить осталось чуточку
И время помирать.
Держи, — сказал он, — дудочку.
Научишься играть...
Он умер поздним вечером
Спокойно и легко.
Ушел на встречу с вечностью
Далёко-далеко.

Прошли года.
Метелицы,
Метели отмели.
Заброшенную мельницу
По бревнам разнесли.
Под стаей пролетающей
Болотная вода.
На ивах умирающих
Грачи не выют гнезда.

Но мне весною чудятся,
Когда растёт трава,
Негромкие и чуткие
Далекие слова:
«Ты не молчи, не надобно,
Молчанье ни к чему.
Пуускай искрится радуга
В отеческом дому.

Ты на вишневой дудочке,
Пожалуйста, сыграй
Про селезня,
Про уточку,
Про тот грачиный грай,
Про ту пыльцу ольховую,
Про иву, что цвела,
Про дедушку
Бетховена
Из нашего села».

В молчанье неуверенном
Мне горько сознавать,
Что дудочка
Потеряна
И некому сыграть.

* * *

Везде зима вошла в свои права.
Под цвет березняка пестрят сороки,
И виснут на ветвях тетерева,
И на снегах —
Следов звериных строки.
Давно дрозды рябину отрясли
В Сибири,
В Подмосковье,
Под Смоленском.
Давно снега сугробы намели
В березовых холодных перелесках.
Иди по белу снегу напрямик
И не жалея восторженного слова.
Броди себе,
Читай лесной язык,
В нем столько света и добра земного!
В нем столько звуков, столько тишины
И столько красоты, что для восторга,
Пожалуй, и слова-то не нужны,
Когда ты с ним сживаешься надолго.

Язык земли — язык зверей и птиц, —
Он слышен над полями и лесами,
Язык,
Века не знающий границ,
Единый и в Сибири и в Рязани.
Да не коснется палец твой курка,
И выстрел прозвучать в лесу не смеет!
О, не лишай природу языка!
А коль погибнет он, наверняка
Язык твоих потомков онемееет.

БАЛЛАДА О МОРСКОЙ ПЕХОТЕ

*Моему дяде
Василию Алексеевичу Фирсову*

Четко —
Черные бушлаты.
Резко —
Белые снега.
Ярко —
Бляхи золотые.
Значит, жизнь не дорога!

— Есть вопросы?
— Нет вопросов!
Будем драться,
Так их мать!..
Не дадут себя матросы
Переобмундировать.

— Вы в бушлатах,
Как мишени.
И в ночи
Видны, как днем!.. —
Но матросы отвечают:
— Мы матросами умрем.

Не изменим форме флота,
И приказу вопреки
По нужде мы лишь пехота,
А по сути —
Моряки!

Что в шинелях,
Что в бушлатах,
Всем от смерти не уйти...
Дудка боцмана сияет,
Словно крестик на груди.

Щедры выданы патроны.
Винтари наперевес,
На пути врага
Заслоном
Вырастает
Черный лес!

В маскировочных халатах
Немцы
Пачкают снега.
Вот «ура» с российским матом,
Заглушает
Лай врага.

Черной смертью,
Черной мезтью —
Вал российских моряков!
Побеждать легко им
Вместе,
Вместе
Умирать легко...

Немцы прятались за танки.
Но с гранатами
Вставал
И атаку за атакой
Отбивал
Матросский вал!

Новоявленным убийцам
И во сне
И наяву
Не прорваться,
Не пробиться
Во престольный град —
Москву!..

Четко —
Черные бушлаты.
Резко —
Белые снега.
Ярко —
Бляхи золотые.
Жизнь была недорога!

Никакая канонада
Не пробудит
Тех ребят,
Что в обнимку со снегами
На снегах холодных спят.

Крепко спят они,
Как будто
Их покой лелеет тишь.
Что ж ты, боцманская дудка,
Им подъем не просвистишь?

Боцман мертв.
Он смертью занят.
Тишь победная окрест...
И с груди,
Как тяжкий крест,
Дудка боцмана сползает.

ПТИЦА СИРИН

Чтоб путь житейский
Был не страшен,
Среди затейливой резьбы
Ее обличьем
Был украшен
Конек приземистой избы.

В ее существованье веря,
Как в домового,
Как в судьбу,
Входили мы, не хлопнув дверью,
В родную дедову избу...

В хранимой небом
Темной сини
Звезда высокая взойдет.
Накличет счастья
Птица Сирин
И молча бровью поведет.

По-человечьи улыбнется,
На паше счастье поглядит.
Но вот по-птичьи
Встрепенется
И недалёко отлетит.

И будет где-то с нами рядом
Незримо

И тревожно жить,
Чтоб ниву не побил градом,
Чтоб нам не довелось тужить.

Чтоб горе мимо проходило,
Невзгоды были позади...
Чтоб смерть с косою
Погодила,
Она ей скажет:
— Погоди!

Она возденет крылья-руки,
Как птица над родным гнездом,
Чтоб в доме были
Дети, внуки
И были правнуки притом.

Она заботы не боится,
Семейный сторожит очаг.
И свет неведомый струится
В ее невидимых очах...

В любом краю большой России,
Как и в былые времена,
Она незрима,
Птица Сирин,
Но доброта ее
Видна.

ПОЭМЫ

РЕСПУБЛИКА БЕССМЕРТИЯ

Вечная слава
Героям,
Павшим
В боях
За свободу
И независимость
Нашей Родины.

*Традиционная надпись
на братских могилах*

...Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

Н. А. Некрасов

ВСТУПЛЕНИЕ

Моя история
Не диво.
И дивом разве объяснить
Ее суровую правдивость,
Где трудно
Слово заменить!
Она случилась в этом мире,
Сложилась в эхо прошлых дней.
Она, как дважды два — четыре,
Проста
Правдивостью своей.
Я забывал о ней
И снова
Припомнил
В траурной тиши.

И к горлу подступило
Слово,
Похожее на крик души.

Когда в безмолвную минуту
Отяжелела
Тишина,
То взрывы скорбного салюта
Напомнили, что есть война.
Она идет.

И будет длиться,
Покамест нет путей иных.
Но я никак не мог смириться,
Что нет Гагарина в живых,
Что волосы его льняные
Не потревожит ветерок,
Что не услышу я отныне
Его смоленский говорок...
Но — верьте мне или не верьте —
Я с болью понял,
Что опять
К его такой неожиданной смерти
Недолго будем привыкать.
Привыкнем в постоянстве зыбком,
В заботах, в праведных трудах
К отсутствию его улыбки,
К названьям улиц в городах.

Привыкли к смерти Комарова.
Смирились все-таки. Смогли.
Привыкли, как к раскатам грома,
Как к уходящим с космодромов
Ракетам — детищам Земли,
Что нашу славу возносили
К недостижимым краям.
И снова нужно боль осилить:
От сердца горевать России
По самым лучшим сыновьям.
По тем,
Которые безмерно
Ее любили
И ушли
Навек в Республику Бессмертья

И стали совестью Земли.
Не дивом дивным и не чудом
Дорога их озарена.
Моя история оттуда,
Из той Республики она.

Глава первая

Звучат привычно, отдаленно
Бои, прошедшие давно.
Не всех героев поименно
Нам, видно, помнить суждено.
Их миллионы,
Тех героев,
Не покорившихся врагу,
О ком мы думаем порою,
Пред кем в неслыханном долгу,
Кто шел в огонь
Со школьной парты,
С лугов, прокос не докосив...
Моя история
О парне,
Каких немало на Руси.
Им люди имена вверяли,
Которые из века в век
По-своему олицетворяли
Спокойствие озер и рек,
Простор полей в ночных туманах,
Тропинки в утренней росе.
Антоны, Прохоры, Иваны...
Да разве перечислишь все,
Все имена,
Где столько сини,
Где столько света и тепла!
Ну вот хотя бы взять — Василий.
И синь ясна, и даль светла.
Я этим именем неброским
Назвал героя прошлых дней,
И да простит меня Твардовский
При всей суровости своей.

Василий...
Пахнет сонной мятой
И холодком зари лесной.

Василий!
Тишина подмята.
И па границе гибель брата.
И дым над отчей стороной.
Василий,
Путь в бессмертье пачат,
Последний путь
В твоей судьбе.
Василий,
Слышишь, мама плачет
И причитает по тебе.

Первый плач матери

Уж ты, радость моя,
Ой да последняя!
Улетаешь ты
От родных краев,
От земли, где спит
Батька родный твой,
Где до встречи с ним
Жить мне, маяться.
Неспроста, знать, тебя
Потребовали
На чужую сторонушку
Дальне-дальнюю.
Города там, говорят,
Белокаменны,
Только ими любоваться
Будет некогда.
Навалилась на Россию,
Нашу матушку,
Ой, великая война
Да кроволитная.
Станут вас учить,
Добрых молодцев,
Приучать ко ружью
Да казенному,
Ко штыку
Да ко вострому,
Ко сабле
Да ко быстрой.
На часах стоять
Да на минуточках,

Повострей смотреть
Ночью темными,
Почутчей слушать
Ушами молодецкими,
Побойчее быть
Да поуверистой,
Не сдаваться
Ворогу поганому,
Поганому
Да лиховитому,
Лиховитому
Да ядовитому.
Уж ты, дитяtko мое,
Ой да роженое!
Не отдай же ты
Фашисту распроклятому
Ни одного лоскутка
России-матушки.
А уж мы да вам поможем
Повыстоять,
Отстоять поможем
Да повитерпеть.
Ой, земля, земля,
Дела давние,
Дела давние,
Края дальние!
Много вас, молодцов,
Да уложено
В тех краях далеких,
Да угроблено —
С молоду веку
До середины веку!
Учены вы да были роцены,
Не заработали
Гроба соснового,
Гроба соснового
Да савана белого.
Не омыта ваша кровь горячая,
Не закопаны вы
Да во желты пески,
Не надето на вас
Платье чистое.
Прострелены
Да груди белые,

Оторваны
Ой да буйны головы...

Глава вторая

«Ни лоскутка России...»
Где там!
Врагу огни Кремля видны.
В шинели серые одета
Одна десятая страны.
Ну что ж!
Не привыкать России
Держать пред будущим ответ...

А вспомнят ли тебя, Василий,
В тиши послевоенных лет?
Не скажут ли
На белом хлебе
Юнцы возросшие в тепле,
Что ты
Придуман мной,
Что не был,
Что даже не жил на земле,
Что это я идеи ради
Сквозь ту окопную беду,
Как на смотре,
Как на параде,
Тебя, красивого, веду?
Так скажут те, кто, не надеясь
На собственную правоту,
Внесут в понятие «ИДЕЙНОСТЬ»
Сомнительную широту.
С той широтой
Померкнут грани
Меж злом и праведным добром.
Ту широту и обэкранят,
И лихо выпишут пером.
И молодым, не знавшим горя,
Привыкшим к чувственным словам,
Дадут слепую грусть по морю,
По неоткрытым островам.
Взамен армейских побратимов,
Идей, что в смертный бой ведут,
Дадут им парус бригаантины,

Маршрут сомнительный дадут.
Бездумную тоску разбудят
По легкой жизни, по тряпью.
И кое-кто легко забудет,
За что
Василий пал в бою...

Не знал он, что героем станет.
А что он знал?!
Да ничего.
Он знал, что был Иван Сусанин
За три столетия до него.
Он верил в гром Бородина,
Он песни о гражданской слушал
И пел о девушке Катюше,
Хмелея, словно от вина.

Обычный парень, сын крестьянки,
В семье возросший без отца,
Он смело шел на вражьи танки
И, хоропя друзей останки,
В победу верил до конца.

Был славным пахарем Василий,
Солдатом был врагам на страх.
Тысячелетие Россия
Нуждалась в этаких сынах.
И каждый был из них солдатом
На протяжении веков.
И в том земля не виновата,
Она рожала мужиков.
Рожала для трудов спокойных,
Для самых мирных дел земли.
Но ей навязывали войны!
И пахари в солдаты шли.
И каждый знал о том, что тело
С душою не одно и то ж,
Что Родина — святое дело:
Умрешь,
А вроде не умрешь.
Так верьте, молодые, верьте
В нелегкий путь своей страны
И в ту Республику Бессмертья,
Что возмужала в дни войны.

Глава третья

Эх, мама, мама...
Меркнут дали.
В глазах от пламени темно.
На днях Орел с боями сдали,
Но не сдаемся все равно.
Война.
Не привыкать к утратам.
Идут жестокие бои.
Ты верь,
Я честно мщу за брата,
За слезы чистые твои.
Безлесье.
Все как на ладони.
Идем в пристрелянных полях.
День изо дня друзей хороним.
И спим, как кони,
На ногах.
Мне Костромщина наша снится.
Ее леса.
А здесь ни пня,
Ни деревца, чтобы укрыться
От перекрестного огня.
Но думаю: минуют годы,
Неся с собою тишину,
Я выучусь на лесовода
И разводить леса начну.
И в этот край,
Где волен ветер
Творить, чего захочет сам,
Войдет мой лес, широк и светел,
Как ровня костромским лесам.
И в черноземном этом крае,
Что потемнел за дни войны,
Березы песни заиграют
Среди безбрежной тишины.
И в том лесном разноголосье,
Что сладко растревожит мир,
Раздастся грубный голос лося,
Идущего на брачный пир.
Здесь будут чудо-урожаи,
Коль зашумят, земли краса,
Горячий воздух остужая

И лютый ветер отражая,
Земли краса — мои леса.
Вот видишь, мама, размечтался.
А всяко может быть. Война!
Я надолго с тобой расстался,
Но это не моя вина.
Я на судьбу свою не плачусь.
Пока перед тобой в долгу,
Я верю, что вернусь.
Иначе
Я даже думать не могу.
Прими сыновнее спасибо
За все добро, тепло твое,
За то,
Что мне дала Россию
И право
Защищать ее!

И не казни, что отступаем.
Бывает, надо отступить.
Мы горькой кровью искупаем
Любую брошенную пядь.
И как ты, мама, веришь в бога,
Так верь и в то,
Что я приду
Живым к родимому порогу
В победном радостном году.

Когда он будет?
Я не знаю.
Но крепко верю в эти дни.
Ну, вот и все. Прощай, родная,
И для меня
Себя храни.

Глава четвертая

И снова бой.
И отступление
За беженцами след во след.

Сегодняшнему поколению
Не знать печаль тех горьких лет.
Не знать.

И в этом наша сила.
И ради этого
Сквозь дым
Глядела скорбная Россия,
Себя доверив молодым.
Была уверенна, спокойна,
Когда к отмщению звала
И, громко проклиная войны,
Священной
Эту
Назвала.
Война была священна!
В этом
Не усомнится даже тот,
Кто, прилетев с иной планеты,
Земли историю прочтет.
Прочтет о том, как под грозой
Страна возмездием жила.
Война священна,
Если Зоя,
Не дрогнув, к виселице шла.
Война священна!
И Матросов
Всем сердцем лег на пулемет...
О, сколько русских и курносых
Во имя жизни
Смерть возьмет!
Они уйдут в сырую землю,
В рассветы, в травы, в деревья,
До самой смерти
Веря, внемля
Всей правоте твоей, Москва!
А ты, Москва,
Не за горами,
А вот за тем резным леском...

И снова с думою о маме
Солдат склонился над листком.

Глава пятая

Боль притупилась.
И в огне
Я стал жестоким и упрямым.

Я дрался
На Бородине,
Ты понимаешь это, мама?
Мы отступили.
Отошли.
Но пусть в грядущем верят дети:
Мы обесславить не могли
Поля священнейшие эти.
Под сень кутузовских знамен
Мы с красным знаменем входили
И честной кровью обагрили
Святые кости тех времен.
На тех полях российской славы,
Насквозь пронизанных огнем,
Погиб мой друг Садык Исламов,
Я, кажется, писал о нем.
Мы с ним делились
Хлебной коркой,
Одной бедой,
Слезой скупой
И вместе принимали бой
В тот день, не выкурив махорки.

В одной из вражеских атак
Садык, от боли обессилов,
Упал с гранатами под танк
И громко крикнул: «За Россию!»
Атаку мы отбили. Но
Потом.
Прощай, Бородино.
Мы шли к Москве.
За шагом шаг.
Холмы могил скрывала вьюга.
А тот, предсмертный, голос друга,
Он до сих пор стоит в ушах.
Мы ждем приказа наступать.
И на душе светлее стало.
Жестокость русского металла
Врагу придется испытать.
Сердца солдатские запели.
Я слышал от политруков,
Что к нам на помощь подоспели
Дивизии сибиряков.
Плечом к плечу

С Россией рядом
Встают сыны одной страны.
Здесь украинцы и буряты,
Сыны Баку и Ферганы.
Трещит мороз.
Метут метели.
Мы крепко держимся пока...

Вчера участвовал в расстреле
Солдата нашего полка.
В его глазах мольба застыла,
Стоял с поникшей головой.
Ты знаешь, мама, горько было:
Какой ни есть, а все же свой.
Но тот налет сердечной муки
Прошел,
Когда прочли приказ.
Как ни крути, он поднял руки,
Он предал Родину и нас.
Он вяло замер перед строем —
Без звездочки и без ремня.
А мог бы умереть героем,
Но не от нашего огня.
Но он поверил вражьи́м бредням,
К тому же шкура дорога...
Не первый он
И не последний,
Кто верит в гуманизм врага,
Кто счастлив выжить на коленях
У камелька иных держав...
И я стрелял без сожаленья,
Прости мне, мама,
Я был прав!

Так и живем — от боя к бою.
Покамест жив и невредим.
Мне миг свидания с тобою,
Хотя бы миг, необходим.

Услышать бы твоё дыханье,
Припасть к теплу твоей груди.
В рассвет, пронетый петухами,
С крыльца родимого сойти.
Пройти

По костромским просторам,
С горы в санях слететь легко...
Но до свидания не скоро,
И до победы далеко.
Пора!
Ветра полощут знамя,
Ложится небо на штыки.
«Ребята, не Москва ль за нами!» —
Кричат сквозь снеговое пламя
Охрипшие политуки.

Второй плач матери

От соколика мово,
Мово дитятки,
Прилетело письмо,
Письмо-весточка,
Точно ласточка,
Ой да залетная,
Залетная
Да развеселая.
Веселиться бы мне,
Да я заплакала,
Что не знама мне
С детства грамота,
Что не мне прочесть
Мово дитятки
Правду-матушку
О житье-бытье.

Но нашлись во селе
Люди добрые,
Дети малые да ученые.
Уж смогли меня,
Горемычную,
Тою правдою
Ой да порадовать.

Уж и горько мне,
Что черна война,
Что в земле лежит
Сын мой первенец.
Не обмытый мной
Да не убранный,

Во тесовый гроб
Не положенный.

И уж радость мне,
Что живой меньшей,
Что врага он бьет,
Помнит матушку,
За меня стоит,
Как за весь народ,
За Москву стоит,
Как за Родину.
И уж плакала я
Да за его дружка —
За Садыка тово,
Друга верного.
По всему селу
Его славил,
В церкви
Чистую свечку ставила.
Сбереги, господь,
Мово Васеньку
От огня того
Ой да фашистского,
Не дай милому
Соколеночку
Опалить в огне
Крылья светлые.

Кто ж тогда меня
Да порадует
Добрим помыслом,
Словом ласковым,
Кто же высадит
Во степях леса,
Леса частые,
Леса чистые?!
Сбереги, господь,
Мое солнышко,
Сбереги глаза
Соколиные,
Сбереги его
Ноги резвые,
Руки белые,
Крылья крепкие!

Глава шестая

Был враг отброшен,
Но не сломлен.
Был враг побит,
Но не разбит.
Но это
Было предисловьем
Ко всей истории побед.
Поди учти, какой ценою,
Какой жестокой правотой
Далась победа под Москвою
Зимою памятною той!

В войне, казалось, нет просвета,
Но Сталин
Волю диктовал.
Матерый враг Страны Советов —
Сам Черчилль, признаваясь в этом,
Его приветствуя,
Вставал.
Когда война к Москве катила,
Он к жизни вызвал имена,
Которые потом твердила
Вся потрясенная страна.
Они легли священным грузом
На души молодых солдат:
Входили Невский
И Кутузов
С бойцами рядом в Сталинград.
С жестокостью фашистов споря,
Собою прикрывая тыл,
Нахимов
Баренцево море
Под вой снарядов бороздил.
Пусть нет его,
В кого безмерно
Когда-то верила страна.
Безоговорочная верность
И нынче Родине нужна.

А это значит —
Нужно верить
Земле, рожающей зерно

Той правоте, что нам измерить
Лишь кровью воинов дано.

Нам надо верить в нашу славу,
В мечту гагаринских высот,
В свою священную державу,
Что знамя Ленина несет.

Глава седьмая

Уже зацветшие сады
Лежали подбеленной тучей,
Пел соловей над волжской кручей,
Как говорят, на все лады.
В полях отфыркивались кони.
Но голос песни
Нарастал!
Неторопливый и спокойный,
Тот голос ровно рокотал.
В почную тишь
Пахнуло стужей,
И на цветы мороздохнул.
И мрачно в слюдяные лужи
Холодный месяц заглянул.
Но, как ни странно,
Не стихали
Мелодии земных высот!
А бабы все еще пахали,
Тогда и ночь кормила год.
Пахали женщины,
Не слыша,
Почти не слыша соловья.
А только слышали,
Как дышат
В сырых окопах сыновья.

Не ширь полей перед собою
Им виделась,
А те края,
Где спят солдаты перед боем,
Почти не слыша соловья.

И кто-то вдруг сказал:
— Красиво!

Поет, как золото кует.
А что, как он на всю Россию,
На всю весну
Один поет?
А что, как больше нет другого?
И не услышат сыновья
Ну хоть какого, хоть какого,
А лишь бы только соловья!
В тиши,
Для фронта непривычной,
Был и другой певец тех дней.
И не какой-нибудь обычный,
А самый курский соловей.
И над речушкой безымянной,
Как тот над Волгой,
В этот час
Он ждал зари своей туманной
И пел, не открывая глаз.
Он пел в рассвете дымно-ржавом,
На рубежах передовых,
Для всех сынов моей державы,
Для мертвых пел и для живых.
И песня, разрывая душу,
Скупой слезой касалась глаз.

Не мог он знать, что кто-то слушал
Его в ту ночь
В последний раз.

А если б знал певец об этом,
То все равно бы не молчал.
Он пел!
И первый луч рассвета
На кончике хвоста качал.

В движении смешном и милом
Таилось жизни торжество.
Таким спокойствием и миром
От песни веяло его!
И, вытирая с автоматов
Седые капельки росы,
Его заметили солдаты
На самом острие лозы.
Его заметил и Василий

И, слушая его,
С тоской
Подумал:
«Что как он такой
Теперь один на всю Россию?..»
И мысленно ушел солдат
В края, с которыми простился.
Приютил дом родной и сад,
Где вечно соловей селился.
А как он молодо свистел,
Восторженно рассветы славя!
А вдруг да он, летя сквозь пламя,
Летя домой,
Не долетел?..

Не знал Василий,
Что певца
В тот самый час
Над волжской далью
С такой же думою печальной
Встречают матерей сердца.

Глава восьмая

Лицом на Запад веселее
Идти.
И он идет, солдат,
Хоть смерть все так же не жалест,
Не милует, как говорят.
С ней не поспоришь, не осилишь,
Ей не заткнешь костлявый рот.
Два года с ней прошел Василий,
Глядишь, и далее пройдет.
Глядишь, минует, как и прежде,
Ее жестокая рука.
И остается жить надеждой,
Пока победа не близка.
Насколько близка, никто не скажет,
Еще сильна броня врага.
Насколько близка она, покажет
Орловско-Курская дуга.

Война!
Сожженные деревни,

Землянок тощие дымки.
По той земле, святой и древней,
Идут советские полки.

Уже солдатские шинели
На спины скатками легли,
И земляничины атели
На взгорьях раненой земли.

Солдаты жадно воду пили,
Устав от знойного тепла.
Дороги к фронту в пыль пылили.
И техника ночами шла.
С достоинством
Она катила
От гор Уральских до Орла
И предъявляла
Право тыла
На те же ратные дела.
На Запад!
Путь один.
На Запад —
Стволы надежных батарей.
Походных кухонь щедрый запах
Становится еще острее.
Солдаты опытнее стали:
Два года все-таки война.
Что ни солдат, глядишь — медали,
Да что медали! Ордена!

И мой Василий не мальчишка,
Не тот, кем был когда-то он.
Недаром в орденскую книжку
Не первый орден занесен.
Не то чтоб окружен почетом,
А все ж немного знаменит.
В противотанковом расчете
Он первым номером стоит.
Он стал скупее на улыбку
И равнодушней к похвале:
Ведь на войне
На редкость зыбка
Твоя прописка на земле.
В стране,

Где смерть царит угрюмо,
Под посвист пуль над головой
О ней нелепо даже думать
По той причине роковой.
Все может быть в страде той самой,
Где сердце слышится твое,
Где смерть стоит перед глазами,
Где сам ты
Сеятель ее.

Не верь абстрактным гуманистам,
А мсти, пока в беде народ!
Иди! Ты видишь: коммунисты
Два шага сделали вперед.
Иди за ними.
Дело наше
Превыше всякой правоты.
Плевать, что кто-то после скажет,
Что был прямолинейным ты!
Твоей посмертной улыбкой
Живые поглядят на тех,
Кто был в тылах гуманно гибким
Среди земных, мирских утех.
Иди!

И ты идешь упрямо.
И веришь тем политрукам,
Что перед смертью шепчут «мама»,
Уже принадлежа векам,
Уже принадлежа дорогам,
По коим
В мирной тишине
Живые к отчему порогу
Придут с рассказом о войне.

Глава девятая

Три дня подряд
Земля горела,
Развернутая, как ладонь.
Три дня гремела батарея,
Три дня: «Огонь! Огонь! Огонь!»
Теперь огонь не тот, что прежде!

Победный отсвет торопя,
Орловско-Курская,
С надеждой
Глядит эпоха на тебя.
И на тебя, мой друг Василий,
Глазами, стылыми от слез,
Глядит Советская Россия
Под шум простреленных берез.
За эти слезы, эти очи,
За горе наших матерей
Святым пожаром третьей ночи
Ревут все виды батарей!
То было мужество без меры.
Слепое?
Нет! Уже три дня
Вкушают «тигры» и «пантеры»
Всю силу нашего огня.
Земля горела.
Было жарко.
Уже не вызывая страх,
Лежат снапами в пору жатвы,
Темнея, трупы на буграх.

Земля горела от металла.
Так сколько ж ей еще гореть!
И земляника опадала
От взрывов,
Не успев дозреть.

Хотя друзей легло без счета,
Василий жив и невредим.
Теперь остался он один
От орудийного расчета.
«Один! Один!» —
Звучит как крик.
И снова новая атака.

Один!
Уже дымят два танка,
А третий режет напрямик.
Гляди, Василий,
Вот он, рядом!
Да что с тобою, что, скажи?

А он уходит долгим взглядом
Туда, где плещет море ржи,

Туда, где костерок дымит,
Где, вся в малиновом закате,
Родная Волга волны катит
И мать над Волгою стоит...

А танк идет.
Идет сквозь рвы.
Ужасен гром его нестройный.
И так некстати
Шмель спокойно
Ползет по стебельку травы!
Был рядом танк,
Когда Василий
К прицелу медленно припал,
И так же медленно упал,
Неслышно крикнув: «За Россию!»
Легко упал,
Спугнув шмеля,
Лицом на заревые травы,
За нашу веру, нашу славу,
Вдруг ощутив,
Как вертится
Земля...

И стало от зари светло
И тихо-тихо как-то сразу.
И земляничина
У глаза
Адела всем смертям назло!
Она затмила мир собой.
И третий танк, в огне пылавший,
Молчал.
И смертью храбрых павший
Не видел угасавший бой.
Не видел,
Как восход густел,
Как шел рассвет, широк и светел,
И как спокойно
Шмель сидел
На остывающем лафете.

Лишь на мгновение он воскрес.
Увидел тусклыми глазами,
Как травы

Вровень с небесами
Шумели, что дремучий лес.
А он тот лес не посадил
И никогда уж не посадит...
И с неземной тоской во взгляде
Солдат
В Бессмертье уходил.

Глава десятая

На Запад!
В мир чужих закатов,
Сплотным огнем врага слепя,
Из боя в бой идут солдаты
Уже, Василий, без тебя.
На них взирает вся планета,
Геройством их изумлена.
Спокойным отсветом рассветов
Им вслед глядит моя страна.

Им пужно до победы драться,
Они идут — за валом вал,
А ты лежишь в могиле братской,
В тиши,
Что ты отвоевал.

И ты не слышишь, как устало
Плетутся беженцы домой.
Землянки торопливо ставят
Над остывающей золой.

Не слышишь ты, как в школах
Снова
Легко звучит родная речь.
Напевен звук родного слова,
Что ты в боях сумел сберечь.

Все дальше
От твоей могилы
На запад катится война.
И журавли плывут уныло,
Их провожает тишина.
Они плывут над всей страной,
Над Костромой и над Москвой,

Они прощаются с войною,
Чтоб снова встретиться с войной.
Они плывут себе,
Не зная,
Что их не встретит тишина,
Что и в Египте
Мировая,
Да, да, та самая война...

У журавлей такая доля:
Пришла пора — и отлетай.
Да вот, да вот они,
Над полем!
Уже задели чеба край,
Уже вошли в зарю.
Все выше.
Коснулись солнца!
И пошли
Уже спокойнее и тише
Туда, на дальний край земли.

Они размеренно летели
Над ширью убранных полей.
И в небо женщины глядели,
Уже не видя журавлей.
Уже над Волгою
Светила
Скупая, тяжкая заря.
И мать Василия грустила
И все-то думала: не зря.
И ей поверилось невольно
Среди осенней тишины,
Что журавлиный треугольник
Похож на весточку
С войны.
А весть и вправду ожидала...
И мать,
Как сосенка в бору,
Вдруг покачнулась
И упала.
И голова блее стала,
Чем снег,
Что выпал поутру.

Третий плач матери

Вот и пала на меня,
Сиротинушку,
Осень черная,
Непроглядная.
Не придет за пей
Зима светлая,
Ой да весна ясная,
Солнце красное!
Спит соколик мой
Во сырой земле,
Мпой не убранный,
Не увидешный,
Не обмыта мпой
Кровь горячая
С тела белого
Моего сыпка,
Не закрыты мпой
Очи карие,
Очи ясные,
Ой да соколиные.
Как на белый лист со гербом
Взгляну,
Так подкосятся
Ноги старые,
Так опустятся
Руки стылые,
Затумянутся
Глаза слезные.
Для чего теперь
Нужны руки мне,
Если некого
Приласкать, обнять,
Для чего глаза,
Если незачем
На дорогу глядеть,
Ожидаячи?!
Как же писарю
Жилось-думалось,
Иль железное
Сердце писаря?
Как рука его
Да не дрогнула

Таковы слова
Взять да вывести?!
Для чего мне жить,
Одной маяться?!
Мне бы крылья те
Журавлиные.
Полетела б я
В степи дальние,
Где уснул сынок
Сном небуженым.
Попросила б я
Землю черную
Расступиться бы,
Рядом с ним легла б
Тише тихого,
Вечный сон его
Ой да не встревожила...

Глава одиннадцатая

Война закончилась весной,
Когда черемуха цвела.
Победа наша
Над страной
Салютным отсветом прошла.
Шли годы.
Раны зарастали.
О эти мирные года!
Из пепла города восстали,
Взгляни, какие города!
Аж к звездам поднялась Россия —
Светлей и краше не найдешь.
Мы молодость в труде растили —
Взгляни, какая молодежь!

А в край степной,
Где спит Василий
Вовеки непробудным сном,
Пришли березы и осины
Напомнить людям о былом.
Пришли с волнующим папевом,
Нелегкий путь преодолев,
Как говорится, самосевом,
Но сколь ужасен тот посев!

Из волжского, иного ль края
Сюда солдат вела война.
И каждый,
Сам того не зная,
Принес с собою семена.
Они до срока тяжелели,
Отлеживаясь в рюкзаках,
В карманах скатанных шинелей,
В подсумках, в пыльных сапогах.
И в кровь солдатскую ложились
Те семена во дни войны.
И вот теперь
Они прижились
В земле, где спят ее сыны.

Обычный лес. Обыкновенный.
Стоит над кладбищем свинца.
И в каждом дереве, наверно,
Стучат солдатские сердца.
Здесь не было лесов издревле.
И вот пришли они с войной.
И близлежащую деревню
Уже давно зовут Лесной...

Брожу июльской порою,
Как в пантеоне, в том лесу
И к сердцу моего героя
Цветы обычные несу.
Там часто женщину встречаю.
Она идет
Лицом к заре,
Идет по пояс в иван-чае,
В росе, как в чистом серебре.
Она давно рассталась с Волгой,
Давно приехала сюда.
Надолго ли?

Да что надо жго!
Теперь уж, видно, навсегда.

Не все равно ль?
И здесь Россия,
И здесь родной земли краса.
Вот и сбылась задумка сына:

Шумят в степном краю леса!
Шумят!..
И мать живет тревогой
Всех матерей моей земли.
Все беды
У ее порога
Себе пристанище нашли.

Я слышал, как она рыдала
По Комарову,
А поздней
Горячим словом причитала
Над новым горем наших дней.

Плач матери Василия по Гагарину

Уж летал да ты высоко
К солнцу красному,
Ясен сокол,
Ко поднебесью невидному.
Кто быстрее тебя летал —
О том не знаю, старая.
А случилось,
Что машина непослушная
О сыру-то землю
Громко стукнулась,
Громко стукнулась —
По всей земле аукнулось.
Вот и нет твоей улыбочки
Приветливой,
Вот и нет твоей головушки,
Соловушка,
Только есть во Кремле
Плита с именем
Громким, памятным.
Только есть цветы
Да слезы матушки,
Слезы женушки
Да малых детушек —
Неутешные слезы соленые.
Да еще отцовские,
Горемычные,
Слезы горькие
Невидные,

Сердце жгущие.
А еще есть слезы
Да друзей твоих,
Твоих верных друзей
Да товарищей.
Все под солнышком бывает,
Всяко деется,
Даже верный друг
На память не надеется,
Не надеются на память
Жены верные,
Жены верные
Да самые примерные.

А крепка-надежна память
Лишь у трех у жен.
Как-то первая жена —
Родна матушка.
А другая жена —
Матерь-Родина.
Уж как третья жена —
Мать сыра земля.
У Кремлевской стены —
Камни хладные.
Уж они-то
С тобой не расстанутся,
Уж у них-то ты
Не забудешься!

ОГОНЬ НАД ТИХИМ ДОНОМ

Я славлю рек российских славу,
Величье полповодных рек.
Они озвучены по праву
Твоею славой,
Человек,
Твоею поступью свободной.
Ведь даже Волга
Велика
Не потому, что многоводна,
Что широка
И глубока.
Она красна красой твоею,
Трудом твоим,
Судьбой твоей.

С ней рос Ильич.
И Горький — с нею.
Шаляпин тоже вырос с ней.

Их слава
Стала славой Волги
И с нею на века слилась.
Река ждала их славы долго.
Ждала
И, к счастью, дождалась...
Когда Нева
В спокойном плеске
Рекой безвестною жила,
Князь Александр был назван **Невским**.
И слава о Неве
Взошла.

Потом
Царь Петр ее прославил,

Когда на певских берегах
Могучий гордый град поставил
Грядущим ворогам на страх.

Река века ждала «Аврору»
И слово Ленина ждала.

И над Невою белый город —
Как лебединые крыла.

Здесь Ломоносов жил
И Гоголь,
Здесь Пушкин и сейчас живой.
По счастью, их, великих, много,
Кто славу разделил с Невой...
Над бранным полем Куликовым
Звезда победная зажглась.
Со славой Дмитрия Донского
О Доне
Слава разнеслась.
Потом
Был Дон могучий славен
Народной славой Ермака,
Свой гнев
И Разин и Булавин
Ему отдали на века.

А Пугачев?
А храбрый Платов?
Все это Дона сыновья...
Блистала кованым булатом
Реки студеная струя.
Был страшен Дон.
Храпели кони,
И кровью пенился затоп.
Но мир узнал
О тихом Доне,
Когда явился «Тихий Дон».

Великий Шолохов явился —
Веков связующая нить —
И славой
С Доном поделился,
Сумев с ним горе разделить...

Как не красна изба углами —
Красна людьми,
Что в ней живут, —
Так реки не красны волнами,
Красны и славны
Именами,
Что их в бессмертие зовут.

* * *

Все в мире с песни начиналось,
Рожденье — песня.
Жизнь сама,
Какой бы горькой ни казалась,
Без песни горше, чем тюрьма.

Без песни
Ни зимы, ни лета
И звезды на небе не те,
Не те закаты и рассветы
В забытой взором высоте.
А песня жизнь в душе пробудит,
Надеждой одарит сполна,
Свой добрый свет подарит людям
И небо высветит до дна.

И пусть на свете жить непросто,
Пусть краток человека век —
От колыбели
До погоста
Издравле с песней человек.
От колыбели...
В самом деле:
Глуха февральская пора,
По крышам шастают метели,
И мать
У люльки до утра
Всю ночь поет
О женской доле,
О доле горестной своей
И о жестоком бранном поле,
Что ожидает сыповей.

Когда же сын
Почует силу,
То жизнь как будто не вина,
Она сама
Посадит сына
На белогого коня.
Посадит прямо, а не криво
На радость мужу-казаку.
С улыбкой вроде бы счастливой
Ладонью подопрет щеку.
Раздумья черные отгонит
И все же грустно запоет...

Перед глазами —
Кони, кони
И гривы огненно взлетят.
То молодые
С видом бравым
Снесшат сквозь пыльную метель
Туда,
Где ждет их призрак славы
Иль смерть, —
За тридевять земель.

* * *

Метели
В камышовой крыше
Шумят на разные лады.
А в колыбели дремлет Миша,
Еще не знающий беды.
Не дрогнут сомкнутые веки,
Он спит,
Не ведая о том,
Что в мире есть большие реки,
Что Дон не дремлет подо льдом,
Что в этом мире
Горя много,
Как много света и тепла,
Что позовет его дорога
На столь великие дела.
И мать над люлькой напевает,

В раздумье не скрывает слез.
Каким он вырастет,
Не знает,
Лишь только бы счастливым рос.
Лишь только б жил, беды не зная,
И за добро платил добром.
И песня с первых дней родная,
Как соп, касается крылом.
И станет песенной
Основа
Его души, его любви.

И он высоким, страстным словом
Расскажет всем,
Что мир — в крови.
И жить так людям не годится.
Расскажет всей планете он,
Что кровь людская не водица,
Что ею переполнен Дон.

Он полной чашей
Выпил горе
С родной землей, с родной страной,
Лишь только б Мелехов Григорий
Пришел навеки
В дом родной.
Сквозь заблужденья и потери
Пришел калека из калек.
А шар земной сумел поверить,
Что в нем остался
Человек...
Да, в человека верить надо,
Плоды безверия страшны.
Что Дантов ад,
Коль круги ада
И на земле нам суждены!
Пусть суждены.
Была б родная
Земля,
И реки, и моря.
А за морями — там иная,
И хорошо, что не твоя.

* * *

Он стал писателем не сразу.
Витовку
Родина дала
Ему задолго до рассказов,
Где правда века ожила.

Он был солдатом продотряда,
Когда стране был нужен хлеб.
В пятнадцать лет
Со смертью рядом
Степями шел.
В пятнадцать лет,
Не радуя врагов слезами, —
Все это было так давно! —
Глядел
Открытыми глазами
В размытые глаза Махло.
Его случайно
Не убили
И до смерти не засекли.
И злобою не ослепили
И вырвать веру
Не смогли.

Земля
С рождения вселила
В него всю силу доброты.
Земля всем сердцем говорила,
Что злоба
Горше слепоты.

И, переплыв стремнины горя,
Он в правду верить не устал,
Он, сам с собой порою споря,
От сердца злобу отметал...

С родной женою
Всюду вместе,
Деля с ней радость и тоску,
Работал
Грузчиком на Пресне,
Мостил булыжником Москву

Любой работой не гнушался,
Чтоб по почам
Писать о том,
Как старый мир за жизнь держался,
Как новый возникал притом.
Так правота «Донских рассказов»
Народной стала правотой,
Всех покорив
Навеки,
Сразу
Своей жестокой простотой.

С ним люди правдою делились,
И правде собственной
Потом
Они как чуду удивились,
Когда явился «Тихий Дон».

В нем увидали коммунисты
Себя как бы со стороны
И путь
Нелегкий и кремнистый
Рожденной Лениным страны.
В труде росла Страха Советов,
И люди новые росли,
И «Тихий Дон»
Шагал по свету
На многих языках земли.

И там, где старый мир держался
На лютой злобе и штыках,
Незримо «Тихий Дон» сражался,
Уже оставшийся в веках.
Он жил в борьбе,
Под гул снарядов
Шагал в Испании на бой,
С бойцами из Интербригады
Борясь с фашистскою чумой.

Его жестокий мир заметил,
Свою гибель усмотрел.
А он,
Не думая о смерти,
В кострах фашистских
Не горел!

* * *

Фашизм...
И слово-то какое
Паучье, как и те кресты,
Что Гитлер собственной рукою
На карте мира поместил!
И от звериной
Лютой злобы
Спасенья как бы не дано.

Объекты важности особой
Крестами
Мечены давно.
Крест
На Варшаве и на Праге.
На Осло, на Париже
Крест!
С научными крестами флаги
В Европе зашумят, как лес.

На Лондоне,
На Амстердаме
Кресты.
И в неземном бреду
Огромный крест как будто вдавлен
В пятиконечную звезду.
Еще безмолвствуют раскаты
Грядущих битв, кровавых гроз,
А будущей Европы карта
Уже похожа на погост.

А на подробных картах летных
Крестами
Мечены мосты,
Невы ажурные пролеты,
Над Исаакием кресты.
Крестом
Проспект помечен Невский
И Петр, взирающий окрест.
Чайковский, Глинка, Достоевский —
На каждом был поставлен
Крест.

Крест
Над Кремлем,
Где свет алеет,
Свет, неавистый силе тьмы.
И тяжкий крест
На Мавзолее,
На всей истории Москвы.

Легли кресты
На Минск, на Киев,
Где своды Золотых ворот,
Легли — тяжелые такие! —
На все, чем славен наш народ.
На все,
Что создано веками
Еще за сотни лет до нас
Руками пращуров,
Руками
Твоими, наш рабочий класс!
Крест
Над землей,
Где Дон струится,
Где тих волны усталой плеск.
И крест
На Вешенской станице,
На доме Шолохова
Крест.

* * *

В станице Вешенской
Порою,
Когда на сотни верст темно,
Звездой, вставшей над горою,
Светилось яркое окно.

За тем окном
В немой печали
Над судьбами людей рыдал
Писатель.
(Слез его ночами
Никто, конечно, не видал.
Невидимые миру слезы

Он молча выплакал в тиши.
Не удивительно, что в прозу
Влилась поэзия души.)

Потом чему-то он смеялся
По-детски,
Глядя за окно,
Где мрак ночной зарей сменялся,
Где вот уже совсем светло.

А он того не замечает.
Жена пепужный гасит свет,
Стакал дымящегося чая
Внося неслышно в кабинет...

В станицу Вешенскую гулко
Ворвался петушиный крик.
Здесь певчий каждого проулка
Имеет
Собственный язык.

Сбегают к водопою кони,
Спешат на пашню казаки,
И солнце плещется в затоне,
Не доставая дна реки.

Вновь не до сна.
То в город надо,
То ждет обком, то ждет партком,
То хлопоты насчет детсада
Иль пенсии для земляков.

И с виду неприметный вроде,
Такой безбрежно молодой,
Он жил заботой о народе,
Его судьбой, его бедой.

Он жил,
Чем рядом люди жили,
Горел доверчивым огнем
Вдали от сплетен,
Что сложили
Дельцы досужие о нем.

Скрывая имена и лица,
Шептали бездари в народ:
Мол, у него
Дворец в станице,
А в банке, мол, открытый счет.

По ни двора,
Ни в банке счета.
Была открытой лишь душа
Для всех,
Кто жил земной заботой,
Одной с ним верою дыша.
Его богатство — вся Россия,
Жена и старенькая мать,
Две милых дочери,
Два сына,
Родни в дому — не сосчитать.

Его богатство —
Мир героев,
Рожденный в творческой тиши,
Мир человека,
Что устроил
Открытый счет его души,
И, недругов не замечая,
Он все же знал, как их зовут
(Ему таланта не прощая,
Поныне здравствуя, живут).
Он их жалел.
А что им жалость!
Их озлобляло во сто крат,
Что славил Шолохов Державу
Не ради славы и наград.

Он славил свой народ
И этой
Народной славой гордо жил.
Одной шестою частью света
По праву сына дорожил.
Работал не переставая...

И «Поднятою целиной»
Гордились люди,
Создавая
Грядущий день страны родной.

Да, с книгами его в те годы
Мы возводили Днепрогэс,
Магнитку ставили,
Заводы
В краях, где был дремучий лес.
По-чкаловски взмывали в небо
И поднимали целину,
Чтоб не мелело море хлеба
В Сибири или на Дону.

Мы вырастали на просторе
Великих дел страны,
Как вдруг
Запахло порохом и горем
И почерпело все вокруг.
В далеких залах на границе
Беду Отчизны разглядев,
Покинул Шолохов стапину,
Шинель солдатскую падев.
Звала Советская Россия,
Как только мать умеет звать.
— Благослови, Анастасия
Даниловна, родная мать!
И ты благослови, Мария
Петровна, верная жена!
Не плачьте, милые, родные,
И без того
В слезах страна...

В слезах и в горе
Украина,
И Белоруссия в слезах,
На пенелищах печи стынут
В смоленских стонущих лесах.
Под гнетом рабства люди стопут
В чаду невиданной войны.
Могилы Пушкина,
Толстого
Пришельцами осквернены.

Жесток накат фашистской стали.
Но, верность Родине неся,
Мы верить не переставали,
Что победить народ нельзя!

Шагали сквозь огонь солдаты.
И с ними
Шолохов шагал.
Науку ненависти
Свято
Он рядом с ними постигал.

И той жестокою порою
Не уходил с передовых.
Он в павших на войне героях
Не мертвых видел,
А живых.

И под пером его воскресли
Сыны,
Достойные любви,
Достойные высокой песни,
Что зарождалась
На крови...

* * *

Снега растаяли,
И лето
Уже вошло в свои права.
Обидно, что не те рассветы,
Не та над Доном синева.

Над редким домом
Дым струится.
Проулки тесные тихи,
Ведь редко у кого
В станице
В те дни остались петухи.

Да и оставшимся не в радость
Рассветы летние встречать.

Они,
От грома канонады
Давно оглохшие,
Молчат...

Ни звука в шолоховском доме.
И только слышно далеко,
Как мать
В дымящийся подойник
Коровье цедит молоко.
Потом глядит,
Как мимо дома,
Чуть слышно галькою шурша,
В рассветные туманы Дона
Идут солдаты не спеша.

Каким бы словом их приветить,
Какою лаской обласкать?
Ведь не у каждого
На свете
Жива
В такое время мать.

Что ждет их, молодых, бедовых,
В таком неведомом пути?
Кому прийти
К родному дому,
Кому до дома
Не дойти?

Молчит Даниловна.
И долго
Туманится печальный взгляд.
Внучата со снохой за Волгой —
Даст бог, воротятся назад.
Даст бог, живым вернется Миша.
Он жив.
Солдаты говорят,
Что голос Миши
Миру слышен,
Что он сильнее, чем снаряд.

Надежда
Издавна врачует,

Как солнышко над головой,
И сердце верит,
Сердце чувствует,
Что сын вернется живой.

* * *

И надо ж было так случиться!
Однажды,
На исходе дня,
Вернулся Шолохов в станицу,
С ним возвратилась вся родня.

(Какой же верой верить надо
В победу нашу,
Чтоб семья
Под гром педальной канонады
Вернулась в отчие края!)

Как ласточка,
Что на дороге
Подняться хочет от земли,
Рванулась мать,
Да только ноги
К порогу как бы приросли.
Налились сладкою истомой.
Вот и дождалась своего.
— Спасибо, — тихо шепчет,
Дома.
Одной-то в доме каково!

И дом как будто ожил сразу
И вновь
Теплом жилья запах.
Раскрыл для внуков ясноглазых
Со скрипом двери нараспах.

В печи живое дышит пламя,
Огонь доверчиво горит,
Запахло добрыми блинами,
Над самоваром дым парит.

Доволен Шолохов,
И, словно
Помолодев на много лет,
Заходит снова он и снова
В осиротевший кабинет.

Здесь протекло столетье ровно
За старым письменным столом...
— Ну что ж, Мария свет Петровна,
Давай-ка вспомним о былом.
Приятно вспомнить о хорошем,
Чем был наполнен белый свет.
Про то, что было тяжкой ношей,
И вспоминать охоты нет.
Они сидят как молодые,
Коль поглядеть со стороны,
И гладит Шолохов седые
Родные волосы жены.

О, сколько довелось им вместе
Хлебнуть беды
За двадцать лет!
И день грядущий
Неизвестен:
Ему опять на фронт чуть свет.

* * *

А фронт — за Доном.
Злобный враг
Живет хозяином высот.
За вороном
Взмывает ворон,
И каждый в чреве смерть несет.
И каждый озабочен целью.
Лишь кто-то думает о том:
Чей дом невдалеке от церкви
Стоит,
Помеченный крестом?
Дон... Дон...
Штурвал рукам послушен.
И ветер за стеклом свистит.

Но только внешне равнодушен
Пилот,
Что к Вешенской летит.

Дон... Дон...
Звучит давно знакомо.
И дом,
Помеченный крестом,
Является, бесспорно, домом,
Откуда вышел «Тихий Дон».

Ну что ж, пилот, тебя оценят —
Продемонстрируй мастерство!
Все ближе,
Ближе,
Ближе к цели
Машина черная его.

То ль ощутив чужое горе,
То ли прозрев,
Он понял вдруг,
Что некий Мелехов Григорий —
Пускай не брат ему, не друг! —
Стал близким
По судьбе, по сути,
По совести, что с древних лет
Роднит людей, чьи гибли судьбы
В водоворотах страшных бед, —

Что у него есть дом,
В котором
Вся жизнь его заключена,
Есть мать,
Отец,
Любимый город,
Детишки,
Ждущая жена.

А что как нет родного дома,
Взяла война да унесла?
Судьба Григория
Знакомо
Пилоту сердце обожгла.
Зачем он здесь,

Винювник крови
Людей, рожденных мирно жить,
Зачем же ответ мирной крови
Он должен смертью затенить?

Ведь не родился же он зверем!
И, бомбы под крылом неся,
Пилот решительно поверил,
Что победить парод нельзя.
Ну можно уничтожить город
Во имя призрачных наград
Или обречь его на голод,
Как обречен был Ленинград.
А дальше что?

Народ петленеп.
Пусть даже он порабощен,
Но жить не станет на коленях —
Отмстит
Иль будет отомщен!

Во имя будущего мира,
В последний раз взглянув на дом,
Он бомбы сбрасывает
Мимо —
Вдруг в закипевший тихий Дон.
И под зенитный гром орудий
В степи сажает самолет
И, поднимая к небу руки,
Сквозь плен
К родной семье идет.

* * *

Вослед за ним
С аэродрома
Другой был поднят самолет.
Вот он над шолоховским домом
Винтами гулко воздух рвет.
Привычный гул ласкает ухо,
Все ближе,
Ближе,
Ближе цель!

Неторопливо
Из-под брюха
Стекает
Смертная капель.

И все.
Еще одно мгновенье,
И, охмелев, как от вины,
Фашист доложит с нетерпением:
«Я — «Коршун»,
Цель поражена...»

Фашист прицеливался с толком.
Но дом не дрогнул,
Только мать,
Убитая шальным осколком,
Осталась во дворе лежать.
С пемым укором и вопросом
Она руками развела,
Рассыпав золотое просо,
Что курам бережно несла.

Да, коршун налетел недаром,
Не скажешь, будто невзначай.
Ей не испить из самовара
Не тропутый родными чай...

Седеют волосы у сына.
Ступило горе на порог.
— Прости за все, Анастасия
Дашилова! Не уберег.

Кто знал,
Что встреча будет краткой,
Что провожать тебя чуть свет
Туда,
Откуда нет обратной
Дороги.
Не было и нет...
Копалась темная могила
Под вражий гул над головой.
(Разведка точно доложила,
Что прибыл Шолохов домой.)
Шли самолеты из-за Дона,

Бомбили дом со всех сторон,
Но ни один не тронул дома,
Был дом как бы заговорен.
Он как бы сам в тот день сражался
Израиленный, он побеждал
Хотя бы тем,
Что он держался
За землю, на которой встал.

И с ощущеньем той же силы
Ушел,
Покинув дом родной,
Солдат России,
Сын России,
Чей путь петленен под луной.

* * *

Подумать только!
Волжским плесам
Машины Гитлера видны!
Их беспощадные колеса
Донской касаются волны!
Так было,
Но на всю планету
Мы гордо вдруг произнесли:
— За Волгой нет земли!
При этом
За Доном тоже нет земли.
Снега кровавыми битами
Покрыли землю на сто верст.
Солдаты Сталинграда встали
Богатырями
В полный рост.

И в грохоте стволов бессонных,
В безбрежном гуле капонад
Возник
Над миром потрясенным
Победным залпом:
— Сталин-град!

Сыны народов той Державы,
Что силой Партии жила,
Большой огонь в те дни сдержали.
Грозивший выжечь все дотла.

Вздыхала Волга облегченно
И очищала берега.
И с берегов могучих Допа
Мы гнали
В логово
Врага!

Да, мы прошли путем былинным
Через несметные бои
И привели к стенам Берлина
Машины грозные свои.

Через кровавые окопы,
Через потери матерей
Мы шли дорогами Европы,
Неся добро души своей.

Кресты фашистские стирали
С порабощенных городов
И, умирая,
Воскресали
Во имя будущих годов.

Друзей навеки провожая,
Мы верили
В победный час...
«ОНИ
За Родину сражались», —
Так Шолохов сказал
О НАС!

О НАС
На переломе века
Он все, что ведал, рассказал.
Судьбу простого человека
С судьбой народною
Связал.
Он одарил нас вечным светом,
Добром таланта своего,

Он сам частица НАС,
И в этом
Залог бессмертия его.

Частица НАС и НАШЕЙ силы,
Что нам сама земля дала...
Благодарю за то Россию,
Что Шолохова родила,
Что под раздольным небом **сним**
Его от смерти сберегла,
Что в горький час смогла приветить,
Что вновь грядущие века
Увидят, как над Допом светит
Настольной лампы в кабинете
Огонь,
Что ярче маяка!
С ним в радости
Или в печалье
Народ свободно говорит...

Горит огонь
Друзьям на счастье,
На горе недругам
Горит!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Стихи	
Родине	3
Симфония	—
«У жизни есть свои законы...»	5
«Не по чьему-либо велению...»	—
«Нелегкое дело — на зорьке вставать...»	7
Память юности	—
Чувство Родины	9
Утро Москвы	11
«Величие серпа и молота...»	—
Первый учитель	13
«Чтоб чувствовать своим чужое горе...»	15
Вечный огонь	17
Слава	19
Последний миг	—
«Мир не был создан для противоречий...»	21
Пиджак	22
На памяти моего поколения <i>(Из ненаписанной поэмы)</i>	24
Послевоенная весна	27
Один день	28
Концерт	30
Мои поэты	—
«Я пе из тьмы явился. Нет!..»	33
Цвет земли	34
«Горнисты побудку играют...»	36
8 сентября на Куликовом поле	37
«Америка или Европа...»	38
Хлебный колос	40
«Туман в низинах. Рожь...»	42
Заболотье	43
«Дайте мне возможность постареть...»	44
«Родник был обнесен еловым срубом...»	46
«Какое счастье — дом родной иметь...»	47
«За дальним полем, за оврагом дальним...»	49
«Звезд поблекшие гроздья...»	50
Полдень на покосе	51
«Ты мне прощаешь. Все прощаешь...»	53
Полнолуние	—
«Ну где, скажите, я еще найду...»	55
«Уже давно безмолвны петухи...»	57

«Ледолом... Ледоход... Половодье...»	58
Крестьянская баллада	60
«Пусть недолги закаты над Волгою...»	61
«Крыло зари смахнуло темноту...»	63
Утро в лесу	64
На родине Есенина	65
Веселый снегопад	66
Отлет журавлей	67
«О сколько раз я хоронил любовь...»	68
«Не долго лето продержалось...»	70
«Снова гуси кричат в поднебесье...»	71
Речка Царевич	72
«Небо ясное над полем...»	73
«Живу заботой Родины...»	74
«Что бы ни было на свете...»	75
«О наивность святая...»	76
«О тишины недоумение!..»	77
«Есть в мире нечто большее...»	79
Прощание	—
«Мне тоже море нравится, не спорю...»	80
Поединок	82
«Ты такая же маленькая...»	83
«Некрасивых на свете немало встречается...»	85
«Слышно, корова в хлеву вздыхает...»	—
«Какая здесь, скажите, вера...»	86
Озеро Диво	87
Дым отечества	89
«А все отсюда пачиналось...»	91
На Бородинском поле	—
«Над высоким золотом полей...»	93
Выходной	94
Вернисе	96
«Уже в лугах вечерних...»	99
«Жаль мне цветов луговых...»	100
«Какой певедомый покой...»	—
Наследство	102
«Я рассветной дорогою...»	104
«Все утро, пока не растаял туман...»	105
«Июльский полдень словно умолкает...»	106
«Неужели меня от дождя не укроет береза?..»	107
Третий день	108
«В луговую дымку падает звезда...»	—
Пасмурный день	109
Кладбище коней	110
Солнечные колодцы	111
Тишина	112
Музыка души	114
На родине	116
Зимняя зоря	117
Банный день	118
Два солнца	121
«Порою трудно выразить словами...»	122
«Что делать! Так уж повелось издревле...»	123

«Стоит Полярная звезда...»	125
«Все смертны. Это истина простая...»	—
Соловьиная почь	126
«Спел бы я о том, чего не знаю...»	129
«Надо мной возник веспы веселый голос...»	130
Новогоднее	131
Старики	133
В шутку и всерьез	135
После пожара	137
«Говорил мне отец...»	138
«Юпость — это когда мы безмерно довольны судьбой...»	140
«В снег идет человек...»	141
Вечная музыка	142
«На заре рассветные озера...»	144
«Еще в краю родном рассветы...»	145
Дуэль	146
«Я виноват перед тобою...»	147
«Дрозды пестрели на рябипе...»	—
«Оледенелый сруб колодца...»	148
Подсужники	—
«За молом море грохотало...»	149
«Быть может, молния была...»	150
«Мы гадать на ромашках не будем...»	—
«О бывших друзьях, о покинутом доме...»	151
«Представь себе: отныне солнца нет...»	152
«Оставь меня наедине с собой...»	154
Заря над Днепром	155
«Есть истина — об этом каждый скажет...»	156
Приезжая	158
Одиночество	159
«По ночам поезда, светлячками мигая...»	160
«В свете майского дыма...»	162
«С землюю ощутив родство...»	164
«Отшумели ручьи по оврагам...»	165
Осень в Новоспасском	166
Тургенев в Париже	167
Дом, в котором родился Шолохов	168
«Тишина над тихим Доном. Тишина...»	169
«Над большими городами...»	—
«Я с рожденья опьянен весной...»	170
«Белой тройкой в белом поле...»	171
«Все дальше от деревни ухожу...»	—
Уходящий день	172
Памяти Сергея Есенина	173
«Птицы жмутся к жилью человека...»	175
Тревожные стихи	—
Осеннее	178
Сыну	—
«Еще не родилась разлучница...»	180
Чужая музыка	181
«Я знаю, что за дальними лесами...»	182
«Как уголек сожженной спички...»	183
Листопад	184

«Я пынче слипikom одипок...»	185
«Когда душа перерастает в слово...»	186
Рассвет над морем	187
«Качаясь, как в бадье студеной льдинка...»	188
«Как давно не сидел я за чистым листом...»	190
О тебе	192
Сельский Бетховен	193
«Везде зима вошла в свои права...»	196
Баллада о морской пехоте	197
Птица Сирип	199

Поэмы

Республика Бессмертия	201
Огонь над тихим Доном	230

СКАН, ОБРАБОТКА

Владимир Иванович Фирсов

ГЛАЗАМИ СТОЛЕТИЙ

Стихи и поэмы

Редактор *Е. А. Карасев*
Художник *Т. Ф. Елагина*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *Л. А. Ворон*
Корректор *Н. М. Опрышко*

ИБ № 2148

Сдано в набор 30.10.81. Подписано в печать 08.01.82.
Г-52602 Формат 84×108/32 Бумага типографская № 1
Гарнитура обыч. новая. Печать высокая. Печ. л. 8
Усл. печ. л. 13,44+1 вкл.=¹/₁₆ печ. л, 0,105 усл. печ. л.
Усл. кр. отг. 13,49. Уч.-изд. л. 13,22. Тираж 20 000 экз.
Изд. № 4/8107. Зак. 789. Цена 1 р. 70 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3